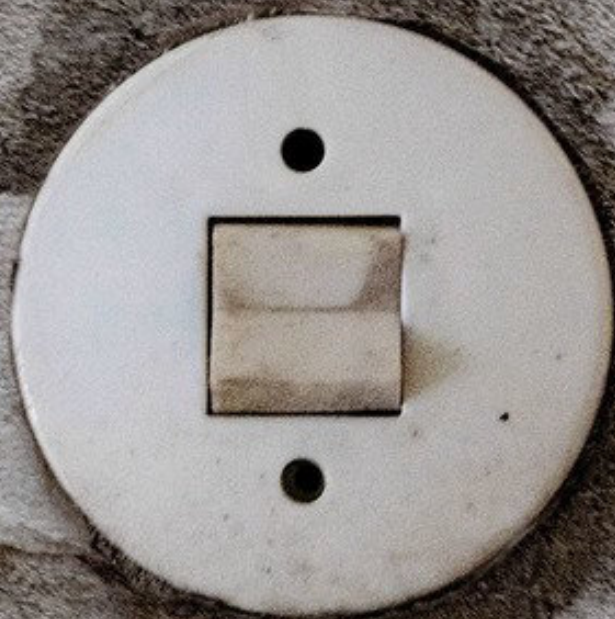

18+

Николай Накропин

Иммигрантский Дневник

Николай Накропин
Иммигрантский Дневник

«Издательские решения»

Накропин Н.

Иммигрантский Дневник / Н. Накропин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-539883-3

Герой этой истории бежит из СССР в Германию. После вывода американских войск ему угрожают депортация и тюрьма. Он ищет выход из создавшейся ситуации, вместе с соратниками изменяет немецкий закон, и, в итоге, получает реабилитацию в России. Эта борьба за элементарные гражданские права имела политический резонанс. Она стала одной из причин введения нового «Закона об иностранцах» в 2005-м году — того самого, по которому иммигранты живут в ФРГ в настоящее время.

ISBN 978-5-00-539883-3

© Накропин Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Первая часть	7
1. Анадырский проезд	7
2. Москва – Польша	10
3. Франкфурт на Одере – Биттерфельд	17
4. Горькое поле	27
5. Галле – Эрфурт	31
6. На юг	40
7. Первые сутки в Мюнхене	46
8. Панки	51
9. Двери в азиюль	56
10. Розенхайм	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Иммигрантский Дневник

Николай Накропин

Редактор Борис Цейтлин

© Николай Накропин, 2021

ISBN 978-5-0053-9883-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Пью за друзей, мотивирующих меня на эти строки

Не скрою, я люблю выпить. Предпочитаю красное сухое вино и коньяк. Что может быть лучше бутылки и закуски на кухонном столе в сумрачный день? Выпил, закусил, и вот загорелась надежда в глазах. Осознание «прекрасностей жизни» приходит после третьего стакана – когда волосы на голове начинают приятно пошевеливаться, а кожа лица становится тягучей и эластичной. И море по колено и галоши точно не промокнули. Пить в компании старых друзей – это прекрасно. Слушая рассказы о моем побеге из армии в то далекое, уже поседевшее время, все они в один голос твердят: «Пиши книжку. Ведь тебе есть что сказать».

В глубине души я соглашался: почему бы и нет? Однако матушка-лень и возлияния побеждали мои благородные побуждения. В одном интернет-портале однажды я опубликовал заметку о своей поездке в Крым. Слово за слово, и я уже не мог остановиться. Иногда прихожу с работы, открываю Word и пишу, смотрю Google Maps, освежая в памяти «места боевой славы», достаю кучу фотографий, на которых лица моих сотоварищей, со многими из них я поддерживаю контакт до сих пор, и они смотрят на меня, повзрослевшие, но все такие же верные.

Поднимаю стакан за все то, что когда-то было... так давно. За всех иммигрантов самого начала 90-х годов, на свой страх и риск уехавших в поисках счастья в эпоху, когда не существовало интернета и мобильных телефонов, а Советский Союз представлял из себя лишь бледную тень. Нас гнали молодость, жажда приключений и безысходность.

Почти все хотя бы частично знающие мою историю говорят о книге до сих пор, не подозревая, что на моем компьютере давным-давно живет текст, растущий из месяца в месяц. Это каприз и побежденная лень, а вино мне не удалось победить – оно стало помощником в деле. Да, мне есть что сказать!

Высоко в темном небе движется светящаяся точка. Наверное, это интернациональная космическая станция ISF или как там ее. Воспоминания переполнили меня.

Это реальная история. Имена изменены.

Итак, понеслась.

Первая часть

1. Анадырский проезд

1

Закрывая глаза, я думал о...

...холодном февральском утре 1992-го года, зеленом уазике и сидевшем в нем озябшем майоре по фамилии Цыбарьков. За окном пурга, пятиэтажки были едва различимы во мгле. «Ага. Вот и школа», – подумал майор. Машина ехала вдоль дома, который почему-то не кончался. «Сейчас бы чайку. И к телеку. Не погода, чтобы за тридевять земель ездить из-за этого идиота. Под «идиотом» он подразумевал меня.

Наконец-то приехали. Вылезать из уазика было в облом. Цыбарьков поежился. Надо было заниматься пренеприятнейшим делом, и, судя по всему, перевод воинской части в Гатчину будет ускорен. Да хрен. Хватило венгров и немцев на всю оставшуюся жизнь.

Московские окраины – чистилище России. Угрюмо смотрят улица Коминтерна, магазин «Дары природы», киоски и люди. Собака стояла на обочине и хотела упасть. В зимней судороге скукожилась осина во дворе дома по Анадырскому проезду номер сорок семь, где машина остановилась. Подъезд найти нетрудно – их всего четыре. Майор и два сопровождающих его милиционера отворили полузанесенную снегом дверь и вошли в пахнущее кошками и машинным маслом полутемное помещение. Стало тепло. Кнопка лифта, обезображенная спичкой какого-то юного негодяя, не хотела нажиматься. Наконец-то лифт ухнул, крикнул и загудел. Все трое поместились в него с трудом, и один из ментов нажал другую обгоревшую кнопку с меченной огнем цифрой 6. В лифте воняло уже не так, как в парадной.

Дверь открыла невысокая женщина лет пятидесяти двух.

– Здравствуйте, – сказал майор. Милиционеры буркнули у него за плечами, напоминая чопорных полупингвинов. – Здрасьте. А вы по какому делу?

Пришли, как нетрудно догадаться, по делу пишущего эти строки. Женщину звали Ариадна Яковлевна. Хмммм... странное греческое имя. Его моя мама придумала себе сама. Когда-то ее звали Маргарита, но мало кто знал об этом – тем более сегодняшние посетители. Да и что им абстрактная греческая мифология? Конкретной для полупингвинов была московская прописка, которая светила через несколько лет как пить дать. Ведь за нее стоит трудиться на благо всем. Майор был политруком в воинской части, откуда смылся сынуля Ариадны – то есть я. Прописка ему не нужна. Правдами или неправдами сынулю необходимо найти. Политрук точно знал, что делать с теми, кто нарушил присягу Родине.

Пару деньков назад Ариадну Яковлевну уже посещали сотрудники особого отдела и заламывали руки другому сыну – Боре, перепутав его со мной. Милиция с усатым рыжеволосым майором производила сумбур в ее голове. Как с ними быть? С одной стороны, она уважала свое государство даже в полном развале. С другой – она глава когда-то большой семьи и не раз спускала с лестницы соседских матерей и бабок, приходивших с жалобами на обоих сыновей. Она пользовалась противоречивой репутацией у подруг и не стеснялась рукоприкладства. Мои дружбаны побаивались ее и меж собой величали не иначе как «Каляна мать». В этот раз, к сожалению, нельзя просто хлопнуть дверью или другим образом приструнить пришедших. Пахло керосином, и Ариадна Яковлевна это прекрасно чувствовала. Пришлось впустить в квартиру представителей власти. Все трое рысцей бросились по комнатам в надежде увидеть самого Каляна.

– Его здесь нет, – сказала Ариадна, едва сдерживая свой темперамент.

Через три-четыре минуты пришедшие успокоились и пристроились у старинного письменного стола в кабинетной комнате. Появились два листка бумаги, и между ними майор засунул копирку. Ариадна Яковлевна увидела, как на ней большими буквами было выведено слово «Протокол».

Допрашивали недолго. Четвертым или пятым был вопрос о моем местонахождении. Ариадна Яковлевна, внешне спокойная, но внутри накаленная до предела, мрачным голосом ответила:

– Даже если бы знала, неужели вы думаете, что мать выдаст своего сына?

Майор понял – толку не будет. Глаза у Ариадны Яковлевны становились все злее и злее. Ее сильно раздражало, что в собственной честно заработанной кооперативной квартире субъект в погонах пытается ее обвинить в укрывательстве любимого чада.

Пришла пора подписываться. Это был предел. Ее переклинило. Выхватив оба листка у майора из рук, она бросилась к туалету. Посетители оцепенели. Такой поворот событий не входил в их планы. Тинейджерская прыть от этой уже не молодой женщины не ожидалась. Бросая бумаги в унитаз, Ариадна истошно заорала:

– Вон отсюда! Еще не хватало! Ходят тут всякие!!!

Вода забурлила, унося протокол в бездну канализации. Под это бурление широко распахнулась входная дверь. Против обезумевшей волчицы шанса не было. Ариадна оказалась замаскированным Минотавром.

Майору с сотоварищами пришлось ретироваться. Они услышали, как с треском хлопнула дверь за спиной. «Блин. Во придурочная-то, но от этого не легче». Майор уходил с пустыми руками. Сев в машину, попросил пока не отъезжать, достал из портфеля лист бумаги и ручку, призадумался и начал писать.

Николай, здравствуй!

С наилучшими тебе поздравлениями и пожеланиями в честь твоего двадцатилетия! Желаю счастья и здоровья! После твоей удачной поездки в Брест с Ариадной Яковлевной я было подумал, что ты совсем пропал. Не беда, что нам не удалось встретиться за время моей командировки. Впереди, до наших встреч целая жизнь. И все это из-за одного твоего непродуманного шага. Для чего ты это сделал? Неужели не понимаешь, что придется теперь тебе, Николай, всю жизнь прятаться? Да, если бы ты вернулся в январе без документов, по голове бы тебя не погладили. Пришлось бы немного посидеть на гауптвахте. Экая беда!

Я веду твое дело. Без сомнения, это дело уголовное. Оно может быть прекращено только при одном условии – явка с повинной. Подумай хорошо.

Если тебе необходимо, я могу выслать в твой адрес заверение из прокуратуры. Повторю: в случае явки с повинной уголовное дело может быть прекращено. Если выберешь другой путь, ни образования не сможешь получить, ни карьеры в работе не сделаешь. Будешь сидеть всю жизнь на шее у брата. А это при нынешних ценах весьма накладно.

Тебе 20 лет. Ты умный, грамотный, сообразительный парень. Не ломай себе жизнь. Живи своим умом. Маме привет передай. Впервые в жизни встречаю мать, которая решила покалечить судьбу своего сына. А сам-то ты что, рассудка лишился? Своей головой думай, парень. Законы гуманны. Николай! Решайся, пока не поздно. Желаю тебе всего хорошего.

Поставил подпись и сказал:

– Трогай. К почте едем.

Там он аккуратно свернул письмо и вложил в купленный за две копейки конверт с изображенной на нем улыбающейся Индирой Ганди.

Ариадна Яковлевна прошла на кухню и закурила. Что теперь? – было непонятно. С годами она разучилась плакать. Молчали птицы за окном, молчали соседи, молчало радио, было слышно только пургу. Так шли недели, до тех пор пока не зазвонил телефон, и знакомый голос тихо сказал:

– Привет. Это я.

– Тсссс, – прошипела моя мать. – Ничего не говори! Я хочу знать только одно: тебя могут обнаружить?

Мой ответ состоял из двух слов и паузы между ними.

– Нет! Никогда!

И я услышал облегченный вздох.

Она выплянула из окна на зиму и Москву. Сквозь серо-голубую мглу было видно, как с небес на нее смотрело чье-то доброе лицо и улыбалось. Ариадна улыбнулась ему в ответ. По телу пошел электрический ток. В телефоне послышались короткие гудки – наш разговор закончился.

2. Москва – Польша

1

Я стоял в тамбуре вагона в шинели и с черным чемоданом, вдыхая кислый запах вокзала. До отправления оставалось минуты три, а моя седеющая мать давала последние напутствия:

– Ну давай, мой мальчик. Ты должен!

Только ехать мне никуда не хотелось, тем более в месторасположение моей воинской части – в Виттенберг, где всемирно известный еретик Мартин Лютер ввел в непонятку миллионы людей, вывесив на двери Замковой церкви бумажонку, впоследствии получившую известность под названием «Девяносто пять тезисов». Смотря на мать, я представлял, как она нырнет в метро и скоро будет дома, а мой отъезд казался нелепым сюрреализмом.

– Граждане пассажиры, поезд Москва – Брест отправляется с третьего пути!!! – прогремел зычный женский голос.

Проводник с грохотом закрыл дверь вагона, и состав медленно, подергиваясь и полязгивая на стрелках, отчалил из Москвы. Мимо поплыли вокзальные постройки, силуэты провожающих, кособокая индустрия и огни, огни, огни.

Поезд набирал ход, все чаще стучали колеса, а огней становилось все меньше, и в один прекрасный момент стало совсем темно. Едва различимыми стояли корявые деревья, и чувствовалось, что едем через непрекращающийся лес.

Соседом по купе попался тихоня-старик. По выговору я догадался, что мой попутчик из Белоруссии. Явно уставший от поездки в Москву, он был молчалив. Развязал свой узелок, достал вареную курицу, яйца и прочие типичные для поезда причиндалы. У него имелся журнал «Огонек». Читать, как назло, было нечего, и я подумать не мог, какую роль в моей истории сыграет этот лежащий на столике журнал.

Старик аппетитно занялся поеданием уже холодной курицы. Раскачка вагона была на уровне землетрясения в 4 балла по шкале Рихтера. Белоруса это ни капельки не отвлекло. Он устало кивнул головой в ответ на мою просьбу позвонить почитать журнал, манящий статьями о Пушкине или Гоголе, черно-белыми фотками политических деятелей, популярных певиц, танцовщиц, бронетехники, комбайнеров и прочей информацией. Как полагается любому уважающему себя советскому журналу, там находился раздел с художественным произведением – длинным рассказом о том, как в далекие семидесятые невыездной геолог несколько лет подряд готовился к бегству из СССР на дикий запад, как он тренировался плавать, бегать и карабкаться по утесам, закалял иммунную систему, подготавливался ментально, читал разные религиозные книги. Все думали, что он просто занимается спортом, а у него был план. Он истязал себя как только мог.

Однажды настал день побега. Попав на круизный корабль, не заходящий ни в один порт, где-то в океане геолог прыгнул в воду и за десять часов доплыл до островка, находящегося под американским протекторатом. На берегу его, измученного и усталого, подобрала туземцы. Впоследствии он стал профессором университета, если не ошибаюсь, в Израиле.

История была красочная и очень романтическая, отдаленно напоминающая рассказы Джека Лондона. Мне представились пальмы, аборигены, геолог, благодарящий бога акул за то, что его не съели, не знающие снега загорелые представители местных органов управления, подходящие к нему в набедренных повязках.

Вот тут в мою буйную голову и закралось: а чем я хуже того человека? СССР лежал лицом в грязи, меня ожидали четыре года дисциплинарного батальона за симуляцию и невозвращение из отпуска. Власти на закате своего существования усиленно практиковали обще-

ственно-показательные суды, проводимые, как правило, в клубах воинских частей. Такой суд не на шутку страшил меня.

Терять нечего. Напротив уснул старик-белорус. Ну, а мне было не до сна – передо мной возник другой мучительный вопрос: кто меня там ждет?

Ответ на него нашелся удивительно быстро и как бы сам собою: там никого! Не было ни знакомых, ни родственников, ни знакомых знакомых, ну просто полный ноль. Только где-то в далекой Новой Зеландии проживал мифический брат моей покойной бабушки, попавший туда после Великой Отечественной.

Мой юношеский оптимизм даже в этом жутковатом ответе при десятиградусном морозе за окном купе нашел преимущество: никто не ждет – ну и не надо! На юге Европы теплее. Туда и рвану!

Читая Монте-Кристо в школьные годы, я уже знал о французском городе с названием Марсель и выбрал его окончательной целью. Там растут пальмы – значит, не бывает зимы. Одежды с собой не было, кроме шинели и военной шапки-ушанки. Выкручусь! Денег двадцать пять советских рублей. Выкручусь! Из документов только военный билет. В чемодане чушь, никак не пригодная для моего зародившегося плана: теплые носки, крайне необходимый в армии кипятильник. Ну, еще справки от разных врачей и подполковников. Будь что будет! Я выкручусь. Обязательно выкручусь! Геолог же спасся.

Колеса стучали. Глядя на пролетающие мимо фонари и закрытые шлагбаумы, убаюканный своей идеей, я уснул.

2

Проснулся от толчка поезда. За окном было уже светло и виднелось большое белое здание. Народ с чемоданами и мешками толпился в проходе – приехали в Брест. Накинув шинель и смешную солдатскую ушанку, я стал протискиваться по направлению к выходу.

– Мдаа. Машины пирожки закончились.

Нынче я самый что ни на есть обыкновенный рядовой, возвращающийся из отпуска в родимую, горячо ненавидимую воинскую часть. Только вот отпускной у меня просроченный месяца так на три, и там не хватало необходимой печати из комендатуры.

На перроне слышались крики, бежали потерянные люди. Вся сцена напоминала кадры фильма о гражданской войне. Для полноты пейзажа не хватало лишь матросов с патронташными лентами, распевających революционную песню и тянущих за собой пулемет «Максим». Слышалась польская речь – аккуратно одетые поляки о чем-то испуганно переговаривались между собой. До Варшавы отсюда ближе, чем до Минска. Приятно ночью в купе думать о далеких аборигенах. Но совершенно другое, упадническое настроение овладело мной на вокзале Бреста.

В отличие от того геолога, я не проходил никаких многолетних тренировок. Разве что дворовые подвиги в детстве-отрочестве, да еще дедовщина в армии. С гордостью отмечу: первый год службы мне удалось выдержать, в общем-то, достойно, и меня удостоили чести перевести в так называемые «черпаки» – некое подобие «деда». Это когда тебя уже не лупят, а ты имеешь право лупить молодняк и всячески над ним измываться. Избивать новобранцев в каптерке желания не возникало. Но посчастливилось почти месяц насладиться другими радостями черпачьей жизни – по ночам втайне от офицеров пить дешевое вино с шоколадом, отсутствие физической работы, а самое главное – никаких ночных прокачек, сопровождавшихся обильными тумачками.

В армии не бьют по лицу, чтобы избежать синяков, заметных любому офицеру. В армии бьют в «фанеру», то есть в грудь. Со всей силы, так, что захватывает дыхание, глаза на мгновение выпрыгивают из орбит, а потом по телу льется мерзкая боль. Тебе дают откашляться, а потом еще раз... и еще. В общем, «фанера» неприятно побаливала – только теперь-то какая

разница. Размышляя, я уселся в зале ожидания и стал просто сидеть, смотря сквозь проходящие мимо меня туловища пассажиров. Я ничего не ждал, и жутко хотелось домой. Позади лежали болотистые равнины Белоруссии. Впереди, всего в нескольких сотнях метрах, огромная колючая проволока, по периметру обволакивающая Советский Союз.

Господи, че делать-то?

Громкий голос вывел меня из сонливой задумчивости:

– Товарищ рядовой, предъявите документы!

От неожиданности я вздрогнул и поднял глаза. Передо мной стояли лейтенант и два сопровождающих его солдата с красными повязками на рукавах – однозначно патруль. Порывшись во внутреннем кармане шинели, я достал военный билет и вручил лейтенанту.

– Таак! – протянул тот, листая страницы билета. – Мы как раз таких, как ты, ищем. Сейчас набирается команда для разгрузки вагонов с углем, и ты пройдешь с нами.

Такой расклад никак не вписывался в мои планы.

– Какие еще вагоны с углем? Этого еще не хватало.

Узкоглазый солдат, стоявший за спиной лейтенанта, буркнул:

– Ну, и на водку нам надо.

Ах, дело ясное. Достав кошелек, я смущенно отсчитал двадцать пять рублей – все мои деньги. Лейтенант кивнул и посоветовал не шляться по вокзалу, а идти в небольшую воинскую часть, находящуюся неподалеку. Там не будет патрулей, там тепло и покормят.

Холод не располагал к прогулкам по бесцветному зимнему Бресту. Но пришлось брести, спрятав нос в поднятом воротнике шинели, по названному адресу. Позвякивание мелких денег в моем кармане и хрустящий снег под ногами создавали некое подобие джаза. В него колоритно вписывались карканье ворон и сигналящие автомобили – ну, ни дать ни взять соло на трумпете. Под это соло я позвонил во входную дверь контрольно-пропускного пункта. Солдатик, высунувшийся из будки, со скукой перелистал мой военный билет:

– Все в порядке. Проходи.

Дверь открылась, и меня пропустили на территорию крохотной воинской части, состоящей из этого КПП, одноэтажной казармы и зеленого забора вокруг. Общая площадь двора не превышала трехсот квадратных метров, а единственным его предназначением был сбор так называемой команды военнослужащих, допущенных к пересечению границы для службы за рубежом.

Тот же самый солдат записал мое имя в тетрадку:

– Ну, располагайся. Иди в казарму и ищи свободную кровать.

Многочасовое сидение на вокзале и последовавший за ним джаз-марш по Бресту утомили меня. Наконец-то тепло и сухо. Еще больше радовало безразличие солдатика, никак не среагировавшего на то, что по документам я должен уже три месяца назад быть на территории части для прохождения воинской службы. То ли он не заметил, то ли ему было все равно. Так что у меня появилась легкая надежда пересечь государственную границу. От тревоги сосало под ложечкой. Ведь любой офицеришка или прапорщик с ненужными вопросами в самый неподходящий момент мог поломать мой замысел переместиться на родину д'Артаньяна. Офицеришки в поле зрения не было, и тяжелая дума о воинской части в городе Лютера смешивалась с мечтой о раскидистых сочно-зеленых пальмах в марсельском порту.

Ночевать пришлось на деревянной лавке и без признаков постельного белья.

Так в этой казарме спали все солдаты. А на следующее утро подъем в семь утра. За время пребывания дома я успел поотвыкнуть от ранних подъемов. Зима, холодрыга, за окном темно, надо продирать глаза и идти куда скажут.

– Буцанец!

– Я! – Касатиков! – Я! – Иващенко! – Я! – Плакса! – Я!

...и так далее, по списку. На небольшом плацу перед казармой некто пузатый в офицерской шинели и фуражке громко зачитывал фамилии солдат, стоявших перед ним по стойке смирно.

«Блин. Зачитают ли меня?» – крутилось в голове, а проклятый список не заканчивался.

Все новые и новые имена – русские, украинские, белорусские, какие-то непонятные, малых народов, в том числе состоящие из двух-трех букв. Пара сотен человек всевозможных национальностей в черных, зеленых, красных, светло-голубых, темно-синих погонах со всевозможными лычками, без лычек и с золотыми буквами СА. Низкорослые хлюпики-стройбатовцы, широкоплечие десантники, киргизы-танкисты и прочие. Подобно армии персидского царя Ксеркса, Красная Армия состояла из кого угодно, так как всех объединяла идея, к началу девяностых ставшая абсурдной – защита общего Отечества. Советский Союз разваливался, а мы все еще стояли плечом к плечу и вместе слушали пузатого мужика в офицерской шинели.

Моя фамилия была зачитана предпоследней, что вызвало внутренний вздох облегчения, и марсельские пальмы в сознании сразу стали намного ярче и отчетливей.

Начался рассвет. Приехало несколько грузовиков, один из которых привез полевую кухню. Нам раздали ложки и котелки. Солдатиков кормили перед долгой дорогой. Многим есть не хотелось, так как большинство находилось в мрачном похмелье после армейских проводов, а в чемоданах-сумках-котомках почти у всех, кроме меня, имелась домашняя пайка. Тем не менее люди кушали картофельное пюре с жареной рыбой и с чернягой – армейским черным хлебом. Кто и как его делает? Он отличался резким вкусом и свойством лепить из него, как из пластилина. Если кусок такого хлеба кинуть в стену, он к ней прилипнет.

Потом мы поехали к вокзалу в тех же грузовиках. Не люблю в кузове ездить зимой. Но в мороз это значительно сподручнее, чем переться через пол-Бреста с громоздким чемоданищем в руках. Ехал, перешучиваясь со всеми, а с парочкой нашел общий язык, даже немного подружился, обсуждая их и свою воинские части и делаясь приятными воспоминаниями об отпуске.

В секундном темпе меня всасывала армейская жизнь. Незаметно опять привычным стал армейский жаргон – облегченный диалект тюремной фени. Словечки вроде слоняра, рыбалка, сека, почти позабытые за три с лишним месяца в Москве, с новой силой приобретали актуальность. Кое-какие совпадают с бытующими в литературном языке, но у них иные значения. В Западной Группе Войск, в ту пору насчитывающей более чем полумиллионную армию, к этим словечкам прибавились немецкие и польские. Например, «вифиль». С немецкого оно переводится как «сколько», но я этого не знал и принимал его за существительное. В армейском жаргоне оно бытует как ритуальный вопрос старослужащего к слоняру – молодому солдату. Тому положено в ответ назвать количество дней, оставшихся деду до выхода регулярного «Приказа министра обороны СССР о демобилизации солдат и сержантов срочной службы». Ошибка в ответе имела фатальные последствия: злостный мордобой или многочасовую прокату ночью в казарме. Поэтому слоняры всегда внимательно считали дни до Приказа, для чего вели календарь. Мне, как «черпаку», уже не надо знать точный ответ на подобные вопросы.

Однако не буду мучить солдатским жаргоном. Грузовики ехали по Бресту к вокзалу, солдаты подпрыгивали на лавках в кузове, и все шло по плану.

3

Людей на вокзале не удивлял строй советских солдат. Через Брест ежедневно проезжали сотни и тысячи служак в военной форме. Эшелоны с танками и гаубицами стояли на путях, соседних с пассажирскими поездами, придавая станции какую-то особую мохнатую серость. С каждым днем все больше и больше таких поездов, загруженных бронетехникой, пересекало границу в восточном направлении. Зачастую без определенного конечного пункта – бывало так, что уже за Уралом их перенаправляли в Выборг или на северный Кавказ. Несмотря на хаос,

Западная Группа Войск была наиболее боеспособным подразделением Советского Союза, т. к. предназначалась для быстрого реагирования на возможные военные провокации со стороны НАТО. Высшее начальство, умудренное сведениями о многочисленных восстаниях в восточной Европе, располагало гарнизоны таким образом, что в течение одного часа почти половина этой орды имела возможность оказаться на центральных площадях Берлина. Армия народа-победителя с заметной неохотой покидала контролируемые территории. С брестского вокзала эшелоны уезжали дальше, насовсем и в никуда, увозя с собой полковые флаги, нажитое за бугром имущество и офицерские надежды.

Дул холодный ветер, поэтому посадка прошла быстро. Распределив багаж по полкам и сундукам под сиденьями, заполнив таможенные декларации, военнотружашие достали съестное. После отправления поезда на столах в изобилии появился алкоголь. Началась пьянка. Выпившие, как правило, щедрые люди, особенно поначалу. Во время дороги мне перепало немало от тех произведений кулинарного искусства, по пьяной расточительности попутчиков.

– За дембель!

– За дембель! – хором отвечал вагон.

– На брудершафт, братва.

– За связистов!

– За пехоту!

На несколько секунд наступила тишина, и видно было только подбородки закинувших головы жадно пьющих людей. Потом слышались кашель и матюки, снова гремели кружки и хрустела газета, в которую заботливые материнские руки завернули закуску.

– А ты что не пьешь, слоняра? Не скоро еще предложат выпить.

– Да погоди ты! Лучше глянь, что снаружи. Такое не каждый день увидишь.

Поезд по диагонали переезжал границу. Я с интересом глядел из окна на высоченную колючую проволоку. На смотровых вышках, выпуская клубы белого пара изо рта, мерзли пограничники с калашниковыми в руках. Потом распаханная земля пограничной полосы и столб с гербом и надписью СССР. Под колесами колошматил мост через реку стального цвета, лишь частично одетую в лед. Вдруг снова земля и другой столб, уже красно-белый – Polska. Вот и все. Неужели так просто? Или мне повезло?

За посаженными вдоль дороги кустарниками, покрытыми дымкой изморози, какой-то польский крестьянин топором рубил дрова. Прошло много лет, но сейчас я отчетливо помню этого поляка, интенсивно делающего свое дело под пасмурным небом на границе под Брестом. Может, кому-то этот миг покажется банальным, а фотограф просто поленится поднять свой фотоаппарат. Но для меня это самый первый кадр в важнейшем жизненном этапе, мое неуклюжее «Здравствуй, Новая жизнь». Этот поляк, мелькнувший в окне всего на несколько секунд, навсегда у меня в голове и в сердце. Он и сейчас тут.

Водка и вино в изобилии, а стол в купе ломился от разных блюд: сало, пирожки, картошка с грибами, пара дюжин куриц. Я пригубил алкоголь, но решил не напиваться. Ведь меня ждали прогулки по знойной марсельской набережной или бульвары Парижа. А может, выпить? И плевать. А вдруг у прокурора хороший день и судья отпустит грехи?

Одного из людишек, до того сидящего в грузовике рядом со мной, все называли Воробей. За час-полтора нашей беседы он умял две бутылки вина, запил это пивом, потом снова вино. Поначалу мы чудесно разговаривали, но в процессе Воробей убухался и перешел, выражаясь культурно, в иную ипостась своего существования. Пребывая в таковой, он уже и не пил, прекратив осознавать, что прозрачная жидкость в бутылке, поставленной на стол каким-то солдатом, это водка, и что от нее с новой мощью по телу польется ласковое тепло. Втягивая голову в шею и вращая лопатками, он мутно косил в мою сторону и за что-то благодарил речитативом:

– Спасибо тебе. Спасибо тебе. Спасибо. Спасибо тебе. Полная уважуха.

Так продолжалось минут двадцать. Внезапно встрепенувшись, он спросил:

– А ты служил когда-нибудь в армии?

Вот те на! Он что же, не замечает на мне военной формы?

– Да-да, конечно служил. Служу!

Воробей понимающе кивал, давая понять, что его разум утерян не окончательно. Напоминая титана, измученного борьбой с античными богами, он все-таки находил силы, несмотря на обильные возлияния и на то, что его язык быстро превратился в вату, выразить ко мне свои теплые чувства. Видимо, ему нравилась моя предупредительная вежливость. А я был рад, что мой попутчик не армейский гопник, кровью и потом выстрадавший право расстегнуть воротничок гимнастерки или перегнуть пряжку ремня с отполированной серпасто-молоткастой звездой – чем круче загиб бляхи, вернее следуешь дембельской моде.

Прикид строго соответствовал сроку службы. За нарушение правила можно в худшем случае получить инвалидность, а в лучшем – остаться без ремня. Эта традиция устанавливалась с годами, оттачивалась от призыва к призыву. Глядя на солдата, можно с точностью определить его статус в запутанной неуставной иерархии.

Кто-то с собой имел кассетник, и на радость братве из него разнеслись песни Виктора Цоя. Десантура перекидывалась в картишки, а Миша-Карлик, сразу же так прозванный за свой необычайный рост, – он еле влезал в огромного размера шинель, рассказывал о своих героических амурах на гражданке. Собравшаяся вокруг него группа солдат, затаив дыхание, внимала тонкостям взрослой эротики. У служивых такие истории особенно популярны. В дополнение к своему гусарству Миша-Карлик умел играть на гитаре. Устроившись на видном месте в проходе, он забубнил, конкурируя с кассетником, томно-жалобные солдатские песни – настоящий подарок развалившимся на полках сослуживцам. Эти песни о душевных страданиях личности, находящейся вдали от завода, трактора, института; о том, что еще не скоро появится возможность свободно набухаться с собутыльниками-приятелями; о родном колхозе и о взрывах крупнокалиберных снарядов, под которыми якобы надо пройти, чтобы вернуться домой. Главное же, на что они нацелены, это кинуть слушателя в жалость к самому себе.

Через год, а многим и меньше, все обитатели вагона забудут Мишу-Карлика, его пшеничные усы, а песня им покажется нелепой и смешной. Но сегодня поезд стучал в такт, с каждым покачиванием приближая окончательную демобилизацию. Огромные пальцы великана дергали струны на шестнадцатирублевой гитаре в си-минорной тональности, и над бритыми головами под стук шпал и потряхивание вагона неслась песня.

*Солдатский строй
Идет домой.
Встречай меня,
Кузбасс родной!
Родной Кузбасс,
Родная мать,
Увижу я
Тебя опять.*

Песни, звучащие трагично и пародийно, исполненные дурным голосом, но с искренностью бывалого тракториста, затуманивали тоской лица слушателей. А тоска в сочетании с алкоголем – страшная сила.

– Вот ведь Миша клево лабает.

– Миша, спой Розенбаума.

Как положено, нас сопровождала пара офицеров. Однако они вообще не вмешивались в добродушную пьяную анархию, так как тоже пили в купе для проводников. А там, за снежными полями незнакомой мне страны, за сидящими на телеграфных проводах воронами, нахо-

дидась следующая точка моего маршрута – городок с колющим славянское ухо названием Франкфурт-на-Одер.

3. Франкфурт на Одере – Биттерфельд

1

Под утро, часа в четыре, нас разбудили. Спал, не раздеваясь, в армейских брюках. Под очередным мостом в черной пустоте блеснула река, и я догадывался, что это Одер. Сквозь гулкий железный стук послышалось:

– Ну давайте. Подъем!

Через минут десять на выход, и солдаты сонно переглядывались, пытались острить по поводу вчерашней попойки. Возможно, это была не конечная остановка поезда, но я не знал про это. Подозреваю, что он шел дальше. Под лязг тормозов думалось, что цель поездки у меня особая и не по пути с Воробьем. Мой похмельный сосед, ругаясь, застегивал военный пиджак и, наверное, внутренне содрогался в предвкушении того, как на перроне его лицо обдаст холодный ветер уже чужой страны – Германии.

Нас построили около вагона для пересчета, и сопровождающие офицеры пожелали счастливого возвращения в часть. Вся гурьба, схватив чемоданы, подгоняемая морозом, рванула в кассовый зал. Кто-то служил в Котбусе, кому в Цирндорф, а кому в Померанию, дальше своим ходом.

Как по волшебству изменилась окружающая обстановка. Синие полки плацкарта и железнодорожный запах сменились пестрой рекламой, а пол в зале поражал блестящей стерильностью. Повертев головой в разные стороны, я увидел билетные кассы, так не похожие на привычные московские, и уютный цветочный магазин. Яркая вывеска Burger King активировала сомнение насчет правильности моей затеи, сменившееся мыслями о предстоящем новом испытании: каким-то образом раздобыть гражданскую одежду, не имея даже медяка в полтора десятках карманов униформы. Легким утешением было осознание того, что при любом контроле можно достать военный билет и жалобным голосом наврать: дескать, направляюсь в воинскую часть. Ведь с предписанного мне маршрута я еще не сошел. Серые солдатские шинели куда-то пропали, и в небольшом зале осталось всего несколько человек, никакого отношения не имевших к армии. Конечно же, это немцы, в несусветную рань ехавшие на работу.

Искренне я завидовал этим людям: им было куда идти, дома стояла диванно-телевизионная атрибутика, а на работе ждали коллеги и зарплата. Глаза наткнулись на карту Германии, висящую неподалеку, – вот мой первый ориентир. Мне приблизительно известны расположения крупных городов Европы. Рассмотрев паутину железных и автомобильных дорог, я решил передвигаться через Берлин, Эрфурт и Штутгарт на французский Страсбург. А там как-нибудь до Марселя – города с пальмами.

Не исключаю, что у маршала Жукова в сорок пятом имелись в голове подобные планы по передвижению пехотных дивизий и танковых армий. Общая протяженность намеченной дороги составляет навскидку более полутора тысячи километров через крупные и малые города, ландшафты, запечатленные на картинах Сезанна, ронские виноградники, горы и немецко-французскую границу – ее нелегальный переход казался мне пустяком. Сейчас нужно решить конкретную проблему с одеждой. Ну, и при этом двигаться, не попадаясь в волосатые лапы патруля.

2

Совершенно новый запах щекотал нос. Какая-то смесь сосисок, горчицы, кока-колы и очистительной жидкости для автомобильных стекол – так пахла Германия. Зайдя в Burger King, я понял, что это подобие «Макдоналдса», в котором я никогда не бывал, а только изда-

лека видел гигантскую многочасовую очередь в Москве на Пушкинской площади, озаглавленную большой желтой буквой «М», потому что из-за ажиотажа к самому заведению было не подобраться.

Единственный «Макдоналдс» Советского Союза дразнил гамбургерами москвичей и гостей столицы. Устройство туда на работу считалось престижным и было возможным только по великому благу. Жаль, что денег ни гроша, а то даже на сытый желудок потешил бы душеньку – народу-то никого. Рука достала из чемодана очки и русско-немецкий разговорник, навязанный мамой в дорогу. Побывать в этом светящемся ласковым месте на дерматиновом стульчике мне удалось около пятнадцати минут. Затем подошла девушка – по внешности ну просто фотомодель! Она на чистейшем русском языке строго-вежливо попросила покинуть помещение.

– Йэxx, землячка, ты бы солдатику хоть погреться дала – холодрыга же!

Что ж, подамся в кассовый зал, к лавке в центре, где уже вальяжно разместился пожилой полубомж.

Тараканами бежали мысли: необходимо занять гражданскую одежду – в военной форме я выгляжу как попугай среди трясогузок.

Еще в поезде Москва – Брест я пытался обдумать неизбежное столкновение с неизвестностью один на один. Не исключено, что полубомж мне поможет, хотя бы что-то подскажет. Подсев к нему и воспользовавшись разговорником, я попытался начать разговор. Кроме «гутен таг» и парочки других расплывчатых фраз, ничего выдавить не получалось. На мои усердия он реагировал беззубой улыбкой. Выглядело забавно: я в советской военной форме и человек в обносках и с заторможенным взглядом посередине блестящего кассового зала в абсолютно незнакомой мне стране. Ему, наверное, в тепло ночлежки. Мне же и такое не улыбалось – идти некуда.

Вдруг раздался громкий, привыкший приказывать голос:

– Товарищ рядовой, предъявите документы!

Оо, блин! Уютный бомж пулей вылетел из здания и улетучился в утреннюю мглу при вокзальной площади, куда я на тот момент еще не осмелился выходить.

– Чем вы тут занимаетесь? Пройдите в здание военного вокзала и ждите там вашего поезда!

Пришлось, отдав честь, взять дурацкий чемодан и медленным шагом перейти в соседнюю постройку. Жутко мешающая ноша, несмотря на свой размер, вес и форму, одновременно являлась замечательной маскировкой. Для любого постороннего взгляда чемодан делал меня обыкновенным солдатом, возвращающимся из отпуска, и, пока не было другой одежды, мне приходилось играть такую роль. Хорошо, что офицер не задал лишних вопросов, а ведь мог.

Соседнее здание военного вокзала разительно отличалось от кукольного немецкого. Поднявшись по лестнице, я увидел точную копию захолустного вокзалишки где-нибудь в российской глубинке, скажем, в Камышине. Такой же буфет и те же помятые бутерброды. Валютой служат, понятное дело, рубли, оставленные в Бресте патрулю. Стулья в зале ожидания, даже батареи отопления – все исцарапанное и неуклюжее. Конечно, о посадке на поезд и об отправлении тут объявляют тем же загробным эхом, что и в Советском Союзе.

Попав на немецкий вокзал во Франкфурте-на-Одере – маленьком городке в восточной Германии, я как будто перенесся вперед лет на пятьдесят – ни дать ни взять машина времени. Теперь пришлось сесть на родимый стул в зале ожидания и наблюдать, как жены советских офицеров в вязанных круглых шапках покупают вареную курицу и галдят между собой. Одно все же очень обрадовало – этот закопченный военный вокзал отапливался на полную катушку. Я прижался к батарее, приятная нега разлилась по телу, меня одолела сонливость, клевок носом, еще один... Очнулся я часа через три от возни по соседству. Народ на вокзале шумно

перемещался к выходу. Все спешили на поезд. Продрав глаза, застегнувшись и осмотревшись, решил вновь устроиться поближе к Burger King.

Незаметно наступил короткий зимний день, а за ним пришли ранние сумерки. Долгие часы мимо меня проходили люди, шедшие теперь с работы домой. Они появлялись волнами, по мере прихода электричек. Одна волна за другой, спеша и переговариваясь, а я стоял, и было интересно, где они работают и что можно вообще делать в этом городе и окрестностях. Ну да, недалеко отсюда Берлин, но тогда мне это не пришло на ум. Мода казалась странной. Конечно, как и в Москве – людишки в джинсах, куртках и пальто. Однако довольно часто встречалось другое: в обтяжку по худющим ногам леггинсы из блестящего материала вроде латекса, шарообразная куртка и огромные носастые боты – ни дать не взять средневековые трубадуры. При взгляде на таких трудно скрыть усмешку. Чужая страна, чужие нравы. А потом опять нос в поднятый воротник шинели. Ничего не происходило. Единственное, что развеяло мою внешнюю бездеятельность – это недолгая беседа с продавщицами цветочного магазина, двумя улыбочивыми тетками, немного разговаривающими по-русски.

Не хватало импульса, чего-то вроде толчка в спину. Это событие, а точнее сказано – эта хрупкая женщина появилась. Немолодая, элегантно одетая, она возникла в прямом смысле слова из-под земли – из подземного перехода. Как в любовной истории, наши глаза встретились. Не берусь угадывать, что ей прочиталось во взгляде съездившейся солдатской шинели с человеком внутри.

Не сказав ни слова, лишь слегка сменив направление движения, она решительно и молча засунула в мой карман банкноту в двадцать немецких марок. В ответ на мою робкую попытку вернуть ей деньги, она опять же молча остановила мою руку, по-доброму взглянув в глаза, и ушла в неизвестном направлении. Я остался, ошеломленный такой дерзкой выходкой.

По земле ходят люди, делают дела и зачастую не догадываются, насколько важными бывают их поступки – это именно тот случай. Действиями таких людей управляет мистическая сила. Они как ангелы, спустившиеся с небес в самый нужный момент, дающие нам, смертным, возможность еще раз убедиться в том, как прекрасна жизнь.

Двадцать марок дали мне знак: Николай, пора идти! Появился оперативный простор, например возможность приобрести дешевую обувь, скажем – кроссовки. Изучив расписание поездов на Эрфурт, куда ехать с двумя пересадками, я опять вышел на обледенелый перрон. Электричка в Эркнер – пригород Берлина – прибывала в ближайшие минуты. Там первая пересадка. Во внутреннем кармане лежат засаленные бумажонки, выданные мне перед убытием в отпуск – пусть считаются билетом до места расположения воинской части. Их можно показать проводнику, или кто там у немцев в поездах билеты проверяет.

3

Из окна немецкой электрички я пытался разглядеть ландшафт. Но ничего, кроме отражения своего лица, увидеть не удавалось – наступил ранний зимний вечер, превратившийся во тьму. Оконные стекла в вагоне становятся зеркалами. Тогда уже как будто не едешь, а создается впечатление, что это замедленная телепортация из точки А в точку Б. Стерильность вагона, тишина являли разительный контраст с пьяной анархией плацкарта Брест – Франкфурт-на-Одере. Жаль, что убаюкивающий, еле слышный стук колес длился недолго. Меня клонило в сон, да и пожевать чего-либо было бы совсем не плохо. Двадцать марок во внутреннем кармане шинели согревали лучше батареей центрального отопления, но тратить деньги на такую глупость, как еда, не имело смысла. Предстояло действие стратегической важности – покупка кроссовок, а помимо них нужны штаны, свитер и хоть какая-то куртка.

Вскоре тусклым светом фонарей из темноты было вырвано неуклюжее здание станции с полукруглой надписью Эркнер над двумя зияющими дырами входных дверей. Поежившись

на ветру, подняв воротник шинели и запинаясь о чемодан, я поволокся к близлежащим одно-двухэтажным домикам, окруженным садами. Черный солдатский силуэт на заснеженной безлюдной платформе издали привлекал внимание, и перспектива проверки документов не прельщала.

Не сезон, а ведь яблочко не помешает. Я усмехнулся, вспоминая, как наш полк, делая еженедельный пятикилометровый забег в окрестностях Виттенберга, безбожно обчищал точно такие же садики. Сотни солдат, задерживаясь на секунды, быстро рвали яблоки, груши или сливы, в зависимости от того, что находилось на пути и попадется под руку, и стадом неслись дальше, обрадованно поругиваясь между собой. Перед таким забегом возмущенные немцы не осмеливались носу высунуть из своих усадеб. На улицах в это время никто никуда не шел и не ехал – воцарялась пустота. Солдатский табун не сопровождался офицерами. Бежать с утра пораньше им было лень. Время от времени они занимались более элитарным делом – ходили на охоту, вооруженные пулеметами, из которых длинными очередями стреляли по оленям и ланям. Немецкая полиция не встревала в офицерское браконьерство – все равно бесполезно.

Некий рядовой Виноградов, ночью находясь на посту, вскарабкался на вишневое дерево и занялся сборкой чужого урожая. Представьте себе бургера, сидящего дома на диване с бутылкой пива. Глянув в окно, в своем саду на фоне лунного диска он видит солдата в полном боевом вооружении, бронежилете, с противогазом и болтающейся на ремне каске. Как бы вы среагировали? Бургер без колебаний принес воздушное ружье, выстрелил наугад в направлении блестящих белков глаз и силуэта пришельца. Попал ему в горло. Виноградов месяц отлежал в санчасти, что само по себе более чем здорово: халява, ничегонеделанье, докторская колбаса, симпатичные медсестры в белых халатиках, помимо чая приносящие в постель еще и свой девичий смех. А после выписки и официальной головомойки в батальонном штабе прапорщик Бахмет ему советовал:

– Ты подай на него в суд. Оформи на этого немца соответствующую бумагу и проверь, есть ли правда в немецких судах. Ты ж не хуже других. Будь как все!

Виноградов, пережевывая остатки пахнущей санчастью докторской колбасы, запивая кефиром, соглашался с Бахметом:

– Да, товарищ прапорщик. Подам в суд. Обязательно подам.

– Не бойся, сынок! – прапорщик лет на десять был старше Виноградова. – Покажи этому гаду ползучему принципиальность наших вооруженных сил! Ты ведь имел право пристрелить его без предупреждения, но не стал.

Ротный придурок Виноградов обратился в немецкие органы. День суда совпал с дембелем. Получив ни много ни мало 4000 немецких марок «шмерценгельд» – компенсации за причиненные ему моральную боль и физическое увечье, на зависть нам, долговязый Виноградов уехал в родную деревню богачом. В девяносто первом за такую сумму покупалась двухкомнатная квартира в Питере, а то и в Москве, не говоря уже о его родной деревне – купить ее можно было всю целиком, с лугами, лесами, полями, коровами и председателем колхоза. Небольшой шрам на горле – и псевдострадания в санчасти компенсировались с лихвой.

Уродливый чемодан мешал передвигаться. Как будто он набит свинцовыми кипятильниками. В полумраке читалась белая буква S на круглом зеленом щите. Что бы это значило? Сделав круг по словно вымершим улицам и убедившись, что место тут гиблое, вернулся назад к зданию. Мимо могла случайно проехать советская воинская машина и подбросить туда, куда хотелось меньше всего.

Я сел на единственную скамейку в зале вокзальчика. По сравнению с этим заледенелым полустанком, вокзал Франкфурта-на-Одере казался мегаполисом и средоточием всех благостей буржуазного мира. Единственный прохожий – спешащий мужик средних лет. И почему бы с ним не заговорить?

– Эй. Сорри. Э кюэстшэн.

Мужик обернулся и подошел ко мне.

– Йес? Вот ю вонт?

С наглостью и отчаянием – терять-то нечего! – я выпалил:

– Ай хэв а проблем. Мэй би ю кэн гив ме фифти джерман марк?

Мысленно я упрекал себя за разгильдяйство на уроках иностранного языка в школе. Мои знания английского ограничивались двумя-тремя десятками предложений и междометий. О грамматике и акценте речь не идет вообще. Однако дядька сообразил, что мне от него нужно. Он и сам не намного лучше меня разговаривал на языке Шекспира. Кивнув зубастой головой, он показал, что осознал смысл моего англо-тарабарского наречия. Мы пошли к одиноко стоявшему такси. Впервые в жизни я уселся в «мерседес». В те времена даже в Москве «мерседес» встречался не чаще, чем инопланетный корабль при заходе на посадку. Всевозможные автомобили, в том числе и такие, что по внутреннему устройству и комфорту превосходят технику инопланетян, появились позже. В самом начале девяностых задрипанный и ржавый двадцатилетний «Опель» на дорогах Москвы был доступен лишь продвинутому бандюгану, а подавляющее большинство граждан в жизни не ездили ни на чем, лучше «Волги». «Мерседес» являлся привилегией работника иностранного посольства или как минимум МИДа.

Усатый таксист – прожженная немчура с пшеничного цвета усами – вез, переговариваясь с моим новым дружаном, а куда – неизвестно, да и неважно. Важно, что вокруг что-то происходит! Ведь при наличии динамики в действиях проще нащупать место для следующего шага.

Возле одного из домиков, окруженного аккуратным подстриженным кустарником, машина остановилась. Мы вышли, а моего немецкого друга на пороге встретила женщина неопределенного возраста. После громкой перепалки на немецком, из которой я не понял ни одного слова, заграничный друг расплатился с таксистом, пожал мою руку и исчез в доме, оставив меня на улице. Ясно, что назад он возвращаться не собирался. Такси продолжало стоять на месте. Дверь приглашающе открылась, и шофер, фамильярно ухмыльнувшись, кивнул: дескать, садись. И я залез на заднее сиденье.

По дороге назад к вокзалу под буквой S с тою же лихостью и опять по-английски я спросил таксиста: не может ли он мне «подкинуть пятьдесят марок». Ура! Получилось! Из бардачка тот достал кошелек и вынул купюру, правда, не пятьдесят, а только пять марок.

Деревья чернели по окраинам дороги, фары автомобиля подчеркивали их темноту. Меня грела радость от того, что просьба сработала и принесла результат. Конечно, попрошайничая в военной форме, я позорил Советскую Армию отвратительнейшим образом. Так ведь ее позорили еще полмиллиона человек, ежедневно и ежечасно досаждая мирному населению маршбросками, танковыми учениями, охотой на оленей и пожиранием яблок. Уж извините, назад в армию я не собирался и себя с ней никак больше не ассоциировал. Навстречу неслись редкие мигающие светофоры и вывески Германии, освещенные неоновыми лампами. Ждал Марсель.

Разглядывая на табло время отправления электричек, прояснилось, что последний поезд на Берлин – Шонефельд скоро отправится. К слову, если кто не знает: Шонефельд – аэропорт восточного Берлина. Оттуда мне предстояло в Эрфурт. На часах было за полночь, и в Шонефельде, судя по времени, придется провести остаток ночи.

Иногда слышался отдаленный гул – это взлетал самолет. Может, на родину, и какой-нибудь пассажир разглядит меня во мгле и на прощанье махнет рукой. Ну что же, передавай привет Златоглавой. В темноте аэропорт отдаленно напоминал Курский вокзал: стекло и бетон с вкраплениями кафеля, антенны связи, пешеходные переходы. Только везде, куда ни кинь взгляд, надпись «Берлин» да изображение вставшего на задние лапы медведя. Около входа сиротливо пристроились уже знакомые мне желтые такси – «мерседесы», ожидающие клиентуру.

Говорят, волка ноги кормят. А я вам скажу, что зайца – антипода волка – кормят, кроме ног, еще уши и большие глаза, дающие ему возможность слышать в ультрафиолетовом диапа-

зоне и видеть в угловом размахе почти на триста шестьдесят градусов. Волку бояться нечего, кроме двустволки охотника. Зайцу же сложнее, особенно весной. Снег сошел с полей, земля оголилась, а он все еще белый на голой коричнево-мокрой земле. Кроме чутья и быстроты, полагаться не на что. Подобно ему, в солдатской шинели я наматывал круги по блестящему терминалу аэропорта, делая вид, что все окружающее неинтересно. Так заяц ищет первые всходы, чтобы свежей травой побаловать свой изголодавшийся желудок. А у меня за наигранной флегматичной усталостью скрывался интерес к людям вокруг: работнику туалета в халате под табличкой WC и двум совсем молоденьким парням.

Мелочь на небольшом столике у туалета манила, подобно магниту, и побуждала производить простейшие арифметические операции – определять, сколько же всего там на тарелочке. Похоже, марки три, а может, и семь. Каким-либо образом заполучить эти деньги не представлялось возможным. Отбросив все заячьи комплексы в сторону, предварительно сходяв в туалет, я попытался начать разговор на своем мелкокалиберном английском языке. WC-работник, хоть и выглядел как завкафедрой молекулярной биологии, вообще не соображал на тех аглицких диалектах, при помощи которых пытался завести с ним дружбу стоявший перед ним солдат. Судорожное перелистывание разговорника и чтение совершенно не нужных мне фраз никак не вдохновляло его на задушевную беседу. Перед глазами мелькали варианты вопросов о посещении ресторанов, гостиниц и о погоде в разных городах Германии. Но чего в книжке не было, так это раздела, необходимого для бездомных попрошаек. Оххх, мама! Опять ты мне в чемодан не то положила! Идеи взлетали, а затем следовал фейерверк, постепенно гаснувший, подобно далекому мычанию коровы в вечерней степи.

Сняв колючую шинель и усевшись на отделанном кафелем входе в подземный переход, я перевел дыхание. На груди, почти как орден, красовался значок классности третьей степени, должный указывать на приобретение воинской специальности. Скорее всего, именно пышность значка привлекла внимание молодых парней, замеченных мною ранее. Как хорошо, что из-за расстояния они могли слышать лишь гулкий бубнеж между мной и туалетным завкафедрой молекулярной биологии. Послышались польские «добже», «дженкуе» или что-то в этом роде – парни приближались ко мне. Вот радость-то!

– Розумешь трохэ по-польску?

– Да. Розумлю, – чего тут разуместь-то? Никакого словаря не надо. Если внимательно прислушиваться к пшеканью, улавливался не только общий смысл сказанного, но и эмоциональные нюансы.

– Росыйски жолнеш? – они тыкали в меня пальцем и хихикали. «Жолнеш» – словечко непонятное. Однако ничего негативного в нем не чувствовалось.

Братя-славяне все-таки.

– Да, российский, очень российский.

– Презент икона?

Сравнение моего блестящего значка с иконой импонировало. Лъстило, что от солдата вообще можно что-либо хотеть.

– Конечно, конечно! Забирайте на память.

С этими словами я открутил добротный приделанный к кителю ярко-синий значок. Все равно не нужен. Можно было бы начать торговлю и назначить цену.

Только не имелось ни малейшего желания обижать таких симпатичных ребят. Пусть добрым словом вспомнят русского солдата, освободителя мира от фашизма. Мне в голову не приходило, что солдатскую символику, шапки-папахи, ремешки, гимнастерки всех размеров, военные барабаны, части от зенитных установок, поляки массово продавали по всей Европе на блошиных рынках. Значок классности стоил не меньше, чем оригинальный кусок берлинской стены, снабженный сертификатом. На кителе осталась небольшая дырочка, а между мной

и поляками установилось полное взаимопонимание, позволявшее скоротать время до отправления поезда на Эрфурт, отходящего на рассвете.

В наш оживленный разговор вмешался аккуратно причесанный человек с глубоко посаженными глазами.

– Привет, солдатик. Куда путь держишь? Из какой части будешь? – в его уставшем взоре сверкнул метеорит искренней радости. Он служил офицером и возвращался из командировки. Одетый в штатское, говорил неофициально – как принято на гражданке.

– Лютерштадт-Виттенберг. Я из отпуска.

– А я в Вюнсдорф.

В Вюнсдорфе находилась одна из самых больших воинских баз за пределами СССР: несколько дивизий, части снабжения, собственный железнодорожный вокзал и три рейсовых автобуса с маршрутами, не выходящими за забор этого детища-мутанта Министерства Обороны. Представляю, как окрестные дороги забиты колоннами военной техники. Однажды, удостоившись небывалой чести съездить туда с начальником штаба батальона, я услышал песню проходивших мимо роты бойцов.

*А мы стоим здесь на задании,
Всегда в дозоре боевом, за рубежом.
Солдаты группы войск, советских войск в Германии.
Покой земли мы бережем!*

Отполированные слоняры, шедшие в первых рядах, горлопанили лужеными глотками, а сзади, скребя по земле подкованными каблуками сапог, передвигались усатые старослужащие. Идти сзади с расстегнутым воротничком – большая привилегия в Вооруженных Силах. Неписанный закон давал ее лишь высшей касте – рядовым и ефрейторам второго года службы.

– Покой земли мы бережем! – отдавалось эхом по окрестным холмам.

– Цок-цок, – скребли сапоги по брусчатке, положенной тут еще до фюрера.

– Громче! Почему запевала отлынивает? Мы те подсластим житуху после отбоя.

– Громче, кому сказано! – справедливо негодовали дедушки.

Навстречу маршировала другая рота, по старинной традиции орущая свою песню:

*Солдат малоденька
Ай в пилотке
новенька
Ай. У гимнастерки тот же цвет!*

Оба ротных командира лениво, по-благному заученно отдавали друг дружке честь. Из-за громкого пения и топая армейских ног невозможно было обсуждать дела насущные в близлежащей курилке, и стоявшие там солдаты раздраженно поглядывали на марширующие роты.

*Всегда в дозоре боевом, за рубежом!
У гимнастерки тот же цвет.
Покой земли мы бережем!
У гимнастерки тот же цвет!
Стрелковой роты рядовой.
Всегда в дозоре боевом!
У гимнастерки тот же цвет!*

Напоминало заевшую пластинку брежневских времен, резало слух, но такова уж пафосная молитва дембелю. Ведь вся жизнь срочника – ожидание конца. После отбоя, когда закончились разборки, уставший дневальный начнет почесываться и приплясывать, разминая ною-

щие колени на так называемой тумбочке. И в казарменном полумраке каждый засыпающий солдат, независимо от срока службы, остро вспоминает и ждет свою гражданку.

Время пролетело незаметно. Ни одним словом и жестом я не выдал истинной цели своего путешествия. Войдя в роль мартовского зайца, рассказывал о своих армейских делах, как будто и вправду с искренним воодушевлением держал дорогу в батальонную казарму. Над аэропортом робкой акварелью забрезжил восход. Участившийся гул взлетающих самолетов разбудил спящее нахохлившееся воронье царство, и большая стая с карканьем поднялась над стоянкой такси. В длинных переходах вновь замелькали спешащие пальто, начиналась торговля в магазинчиках терминала – неторопливо пришел новый день. Молодые польские попрошайки растворились по делам, а вскоре офицер сказал, взглянув на часы:

- Ну, мне пора на поезд, служивый.
- Спасибо за беседу.
- Мир тесен. Может, свидимся.

Повезло солдатам-срочникам с таким харизматичным командиром. С неподдельным интересом он слушал мои рассказы, смеялся и сетовал. А я – историю о его непростой офицерской работе, штабных интригах, о семье, о том, что многие из сослуживцев едут на войну в Азербайджан.

Господи, а сколько войн еще впереди? Одна? Две? Сколько предстояло ему? На таких людях держалась наша армия в наступившее смутное время. Эта человеческая порода крайне редка. При иных условиях спросить бы его домашний адрес или номер воинской части. Сейчас же излишества могут сбить с пути. Даже если мир очень тесен, вряд ли нас когда-то сведет по новой – это я знал точно, потому что меня ждало Средиземное море.

4

Снова поезд и дорога, и за окном аккуратная красная черепица, припорошенная снегом. Церквушки со шпилями, как будто сошедшие с рекламы игрушечных железных дорог фирмы «Пико», в морозном утреннем тумане проносятся мимо. Поезд шел тихо, и мягкий желтый свет ласкал шинель, а под ней и меня.

Хорошо на мгновение забыться в этом раю, состоящем из еще сонных людей, мягких кресел и собственного дыхания.

С трудом, дернув приоткрытым глазом, я обнаружил очередную остановку – поезд находился на небольшой станции. По кукольному, в сравнении с солдатским плакатом, вагону прошло несколько человек. С той стороны стекла, прямо напротив, находилась длинная, с непривычки трудно читаемая немецкая надпись.

Язык Гете богат на необычные выдумки. В «кошачьей библиотеке» зафиксировано множество словесных извращений более чем средней протяженности. В том числе употребляющихся в повседневном обиходе. Но при виде этого названия меня как будто окатило холодной водой. На двухметровом синем щите едва умещалось Lutherstadt-Wittenberg – место дислокации моей воинской части.

Вот он, город великого Лютера, место расположения танков Т-72 и тропосферных станций Р-412, колыбель протестантства и вкусных яблок для советских солдат. Схватить чемодан, да к выходу. Деловито дойти до воинской части, где меня с распростертыми объятиями впустят знакомые часовые на КПП, а прапорщики да майоры, надув щеки, станут срочно разбираться, как со мной быть и какой пистон придумать. Пускай судят показательным судом в полковом клубе и шлют в дисбат, чтобы другим слонярам неповадно было!

Спокойно, Коля! Вдох, выдох, еще раз. Усталость, мороз за окном, и ведро ледяной воды постепенно превратилось в пар, шедший изо рта стоящих на платформах людей. Держи себя в руках, пусть не свершится ошибка. Жизнь в любом случае уже не будет прежней. На КПП

люди с сочувственно-справедливым взглядом рутинно позвонят в штаб полка, возьмут под стражу. Приедет узник и, для начала, отвезет на гауптвахту. В жизни не любил краснопогонников – у войск МВД погоны малиново-красного цвета. Людишки, служившие в этих войсках, отличались низко посаженными бровями, веснушками и шириной плеч. Все как на подбор, призванные из отдаленных уголков нашей бесконечно огромной страны, они разговаривали матюками и были жутко нелюбимы в других родах войск по легко объяснимым причинам. Стоит ли отдавать судьбу в лапы клубного правосудия? Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Накинув шинель, я почувствовал, как покатился поезд. Бесшумно скользя на снегу, по платформе мимо проплыло название населенного пункта. Колеса застучали с нарастающей неотвратимой быстротой, все дальше и дальше унося меня от последней точки, где еще оставалась возможность соврать бдительному патрульному, захотевшему проверить документы.

Внутри что-то екнуло, и загорелся пожар. Пылал последний мост на пути. Он сгорал дотла, до последней доски. Так горит лес в засушливый год – безвозвратно, но удобряя почву и давая возможность новым, свежим росткам однажды с силой уйти в небо. Так, в телевизионных новостях горела нефть после бомбардировки Ирака, разнося злой дым и смрадный запах страха над пустыней, смешивая его с апатией.

В то время, когда шевелящиеся на макушке волосы потихоньку успокаивались, а прическа приходила в надлежащий ей вид, появился человечек в синем костюмчике и важной красной фуражечке – видимо, контролер.

– Битте, – проявляя учтивость и всем видом пытаюсь показать заинтересованность в удачном завершении процедуры, я протянул ему истертый в карманах талончик.

Его выдали мне перед убытием в отпуск, уверяя, что мутный клочок бумаги, напоминающий пятикопеечный билет на московский автобус, открывает двери во все наземные немецкие транспортные средства на пути Франкфурт-на-Одере – Виттенберг. Контролер поклацал компостером и произнес длинную непонятную мне фразу. В таких случаях лучше всего становиться «тормозом» – так в армии называют того, чьи действия противоположны молниеносной реакции на происходящее.

Подняв брови и глупо улыбаясь, я закивал: дескать, «ничего не понимаю, и не пошел бы ты куда подальше?». Выбивая искры из пластикового пола, контролер побежал по вагону, глядя по сторонам. Конечно, он нашел переводчика – женщину, говорящую по-русски. Она объяснила, что билет лишь до Лютерштадт-Виттенберга и что мне придется на следующей остановке покинуть ласковый вагон. Контролер окинул мою фигуру сверху вниз, чтобы в памяти зафиксировать внешность, а затем поманил рукой.

– Комм! – так он предложил переместиться в тамбур.

Стоя рядом и ожидая скорой остановки, все время он с подозрением разглядывал мой прикид. А я подумывал о том, что мне следует сказать органам власти чужого государства в том случае, если они ожидают на следующем вокзале. Оптимальной казалась такая версия: «бедный несчастный заблудший солдатик» отбил от табора и теперь ищет путь к своим.

Поезд покачивался, а вместе с ним покачивались мы оба в некоем медитативном танце или молитве. К счастью, ему не пришлось на ум выписать штраф – видимо, сказался безбашенный авторитет нашей армии: такого рода процедура бесполезна в отношении к военнослужащим далекой и очень суровой страны. Советской Армии с ее патетической убогостью удавалось уходить от наказания за любые проступки.

На моей памяти случай. Машина, перевозившая саму себя на одном из марш-бросков, отстала от основной колонны, состоявшей как минимум из нескольких десятков бронетранспортеров, грузовиков и подсакивающих на буграх бочек для питьевой воды. Грузовик въехал на железнодорожный переезд, и у него внезапно заглох мотор. Несколькими секундами позже раздался звук склянки, шлагбаум быстро опустился. Приближалась электричка.

Солдатик за рулем, призванный в армию около трех месяцев назад, в ужасе схватился за буйную головушку и оцепенел под гипнотическим красным сигналом светофора. Только случайность спасла этого паренька от неминуемой гибели – находившийся рядом сержант выскочил из машины и выволок своего сослуживца из кабины. Оба залегли в безопасной близости, а поезд гудел и трубил... Грузовик устоял против удара, лишь чуть сместившись с жутким скрежетом в сторону. Зато на всех вагонах, от первого до последнего, капотом он оставил глубокую и трудноизлечимую рану.

Тяжело оценить размер штрафа, взимаемого в таком случае с водителя транспортного средства. Военской части, в которой служил вышеупомянутый извозчик, пришлось в качестве компенсации высылать целую роту на сбор урожая капусты в близлежащую немецкую деревню. А тут какой-то солдафон-безбилетник. С такими у Немецких Железных Дорог как с мозолями – ссадил с поезда, и дело с концом.

4. Горькое поле

1

Какой-то провинциальный городишко. Налево пойдешь – окраину найдешь, направо пойдешь – в центр придешь, а посередине – перрон. Стрелки часов показывали без малого восемь утра, когда поезд оставил меня на запорошенной снегом платформе. Пасмурная погода превращала окрестности вокзальной площади в неуютный пустырь со стоящими по периметру полузаброшенными строениями. Выцветшая надпись готической вязью на одном из них дала возможность определить, куда меня занесло: Bitterfeld.

Подняв воротник и зевая, я уныло побрел к близлежащему перекрестку. По мере удаления от станции давящий кирпич привокзальной архитектуры постепенно переходил в приветливые дома, окруженные декоративными заборами. На витрине одного из магазинов обуви бросились в глаза кроссовки, видом и ценой удовлетворяющие мою потребность. Бежевые, с двумя полосками, с полным отсутствием армейской тематики. Обычная спортивная обувь. Денег на нее хватит, даже останется какая-то мелочевка. Почесав нос, я толкнул дверь. При входе звякнул колокольчик, сопровождаемый заученной улыбкой продавщицы. Кажется, в этот обувной магазинчик впервые зашел человек в военной шапке-ушанке. Устных объяснений удалось избежать. Расшифровав мой взор, устремленный к товару, продавщица сообразила, что нужно, и неторопливо вынесла коробку. Расплатившись и утрамбовав кроссовки в чемодан, я вышел на улицу.

Первый предмет гардероба в наличии. Насколько до меня начало доходить, требовалось еще около восьмидесяти марок на все остальное. На худой конец, можно остаться в военной рубашке, но шинель, зеленые брюки и ботинки резали глаз. На меня оглядывались прохожие, и с полной уверенностью можно считать, что первый же встреченный патруль бросится ко мне проверять документы.

Композиционный ансамбль советской военной формы уродлив, неудобен, зимой не греет, летом парит. Головной убор, шинель и обувь любого превращают в некое подобие серого конуса-пугала, которое сверху слегка приплющили ударом кувалды. Военные ботинки стопроцентно придуманы извращенным изобретателем-ортопедом. Не исключаю, что по замыслу им полагалось, как части парадной формы, быть украшением солдата, сочетаемым с функциональностью. Как бы там ни было, а на деле это отвратительные на вид боты. Даже если выбираешь на три размера больше твоей ноги, они натирают мизинец до крови. Особенно жалкими выглядят в них новобранцы.

2

Опираясь на приобретенные ранее познания из школьного учебника по истории средних веков, мной владела уверенность, что в любом мало-мальски уважающем себя немецком селении есть рыночная площадь. Тем более что в вышеупомянутом Лютерштадт-Виттенберге такая площадь имелась. Школьный учебник не врал. Улица вела дальше, постепенно сужаясь. По мере продвижения дома древнели, становились выше, загораживая робкий тухлявый солнечный свет, из последних сил пытающийся пробиться сквозь грязную вату неба. В один прекрасный момент в полете между крышами показалась тяжеловесная башня протестантского собора. Дома нависали надо мной, а эта башня – над всем городом, как гигант среди никчемных карликов. Задрав голову так, что почти падала шапка, и глядя на мозаику внешней стены, я прям готов был перекреститься! О да, дом Господа внушал уважение. Могу только представить, в какой богобоязненный трепет он вводил жителей городка несколько столетий назад.

У подножия собора гудел рынок. На импровизированных прилавках красовалась всякая всячина: одежда на любой вкус, блестящие медью настольные лампы, плюш детских игрушек и кухонная посуда. Добродушного вида бородачи продавали ароматные сосиски, сдобренные горчицей. Дыхание многочисленных посетителей рынка размягчало погребной холод улицы. Несмотря на пасмурное зимнее утро и огромную зловещую башню собора, царила праздничная атмосфера. Торговцы шуточно окликали меня, предлагая что-либо купить. Мотая головой, я наматывал круги, рассматривая выставленные на продажу товары. Венцом моей интеграции в рыночный ландшафт стали искушение видом спелых бананов и трата на них оставшихся денег. На голодный желудок они казались изысканным деликатесом.

Примостившись на ступеньках, с жадностью поглощая желтый приятно пахнущий фрукт, я рассматривал толпы беспечных зевак, сновавших поблизости. Некоторые из них спрашивали: не могу ли я продать им свою ушанку или ремень со знатной латунной бляхой. Вещи для них, должно быть, экзотические. Особо сообразительные интересовались оружием, которого у меня не было при себе. Больше всех надоели дети. Обступив меня полукругом, перешептываясь и хитро улыбаясь, они показывали в мою сторону пальцем и обсуждали советскую военную форму. Их толком шугануть не получалось из-за незнания немецкого языка. Употребление имеющихся в моем словарном запасе дежурных «Гитлер капут», «хэнде хох», «Сталинград» могли создать пародийную ситуацию. Представьте себе солдата, размахивающего руками и кричащего «Сталинград!» немецким детям. Да они просто лопнули бы со смеха. Даже пара подмигиваний в их сторону вызвала бурное ликование.

Рыночная возня длилась до вечера. Постепенно захлопывались ставни и двери, разъезжались грузовички, все меньше и меньше людей оставалось на площади. Вот и последняя сосиска, доедаемая последним посетителем. Народ спешил по домам к телевизионному уюту и по барам к глинтвейну. Стемнело, начиналась пурга. Ледяной ветер завывал в уличных пролетах. Подняв голову, я увидел, как снег на большой скорости буйнит вокруг башни. Ее шпиль разрезал вьюгу, как широкий затупленный нож. Иногда казалось, что массивный силуэт вот-вот не выдержит и опрокинется на мостовую. Рыночный день сменился пляской белоснежных призраков и теней, отбрасываемых желтыми фонарями. Как демоны, спустившиеся с Брокена, они скрежетали ветками деревьев, хлопали вывесками магазинов и свистели. В ушах ясно слышался их визгливый гомон, и были различимы отдельные голоса. Каждая снежинка уподоблялась злобной осе, кусающей лицо, и тысячи злых белых ос рывками толкали с разных сторон. Над этой снежной бурей, где-то выше пурги, мерцал большой протестантский крест.

Плохо, что нет шарфа. Ледяной ветер обжигал открытое горло, и почувствовалось, как смертельный холод обручем сдавливает грудь. Слезы отчаяния наворачивались на глазах. Купленные кроссовки ничем не помогут в разыгравшейся непогоде. Оставив чемодан лежать на брусчатке, я наматывал круги быстрым шагом, подобно бездомному псу с поджатым хвостом. Пляска одинокого солдата под «Танец с саблями» Хачатуряна, исполненный Джоном Роттенном. Блин, если сейчас что-нибудь не произойдет, то можно замерзнуть нафиг. Bitterfeld в переводе на русский – «Горькое поле». Воистину, моим горьким полем стала та площадь.

3

Три парня шли с огромной бутылкой вина, выкрикивая невпопад песню своими юными хриплыми голосами. Впоследствии я узнал, что такие бутылки в народе носят гордое название «Счастье бездомного». Сейчас это счастье случилось. Увидев меня, троица остановилась на безопасном расстоянии, выпучив глаза и покачиваясь то ли от ветра, то ли от количества спирта в организме. Один что-то буркнул себе под нос. Судя по поведению парней, их отрешенность была в той стадии, когда человек еще способен понимать и анализировать происходящее.

Я робко сделал несколько шагов в их направлении:

– Сорри. Плиз, хэлп ми. Ай ам э дезертир.

Глухие слова, произнесенные на ужасном английском, вывели парней из пьяного делириума. Тот, который был потолще и повыше, поманил меня рукой и произнес уже знакомое мне:

– Комм.

Слово по звучанию напоминает «come on». Отказываться от приглашения было глупостью. Крепко сжав свою ношу в руке, я вплотную приблизился к новым знакомым. Немцы о чем-то переговаривались. Видимо, решали, что со мной делать. Через несколько минут быстрым шагом, насколько позволял ветер, мы вместе направились в неизвестном направлении.

Перекрестки сменяли друг друга, а кирпич уже не казался таким мрачным.

Высокий пухляк с гордым блеском в глазах сообщил, что его все называют Бенни Хилл. Он и на самом деле смахивал на этого комедийного актера. Два других парня – червячного типа добрая шпана со взлохмаченными волосами. Такие ходят на рок-концерты и потом валяются где-нибудь около стены, по неопытности смешав разные сорта алкоголя в желудке и в венах. А на следующий день, втянув голову в плечи около токарного станка на заводе и страдая от болей и муторности, мучительно сожалеют о содеянном. Бенни Хилл был для них авторитетом. Прикладываясь к бутылке, из центра города они вывели меня в район, состоящий из домов, напоминавших помятые картонные коробки, положенные рядами вдоль улиц. Продолжая болтать на всевозможных наречиях, наша компания остановилась у обледеленого входа в одну из таких коробок.

Бренча ключами, Бенни Хилл улыбался, а я предвкушал квартирное тепло, включенный телевизор и дымящийся чай. До этого я никогда не бывал в немецких домах. В коридоре парадной горело электричество. Похожим светом коптят керосиновые лампы. Опасно торчащая из стены проводка, облупленная краска на стенах и низкий потолок напоминают вход в жилище героев из романов Достоевского. Уверен, что именно этот запах сажи и крысиного яда вдыхал Раскольников, возвращаясь домой после убийства старухи-процентщицы. Одна из дверей на первом этаже скрипнула, и высунувшаяся оттуда белобрысая женская голова визгливо каркнула в нашу сторону. Бенни Хилл разочарованно приподнял брови и повернулся ко мне:

– Комм.

Горячего чая не будет – я это понял, когда вместо того чтобы подниматься, мы пошли не вверх, а в подвал. Там, среди лежащих на полу старых досок, полиэтиленовых пакетов, бумаг и прочей чепухи, валялась куча тряпья. Не всегда понимаю, зачем люди сохраняют такие вещи. Может, это привычка или болезнь, а может, из-за бедности, в которую правительства стран соцлагеря вогнали своих подопечных. Той позорной бедности, при которой советские пакеты из гастронома с тухлой надписью «Моссельпром» наши матери стирали в умывальниках, чтобы с авоськами не выглядеть дурами в долгих очередях.

Порывшись в подвальных залежах, через две минуты ребята протягивали мне красную дерматиновую куртку с надписью «Made in Mongolia», джинсы с заплаткой на самом видном месте – на передней части бедра, голубую рубашку и старый растянутый свитер. Конечно, не смокинг с аксельбантами, но все же такой наряд превращал меня в обыкновенного восточно-немецкого раздолбая, делаая неприметным даже при полном безлюдии. Купленные до того кроссовки были очень кстати, так как их новизна приукрашивала незатейливость моего убранства.

С тех пор я никогда в жизни больше не надевал советского мундира. Ремень и гимнастерка лежали у моих ног на радость новым друзьям. Теперь у них будет возможность щегольнуть на дискотеке фрагментами выдавшей виды одежды старшего брата и оккупанта-союзника по совместительству. Шинель попрощалась номером воинской части и фамилией, написанными хлоркой на внутренней стороне. Ее махровое великолепие перешло во власть Бенни

Хилла. Впоследствии она каким-то образом все же попала в лапы милиции. Наверное, патруль остановил парня в экзотическом наряде, и по этой надписи искавшие меня сыщики поняли, что я ушел безвозвратно.

Бурно жестикулируя, мы поздравляли друг дружку с равноценным обменом.

– Их бин дойч. Их бин дойч, – радостно повторял я, разводя руками.

Немцы утвердительно кивали. Бенни Хилл, натягивая шинель, оглядывался в поисках какого-нибудь зеркала, чтобы оценить свой вид. Новый наряд был ему маловат и смотрелся несколько нелепо в сочетании с черными штанами и кудрявой головой. Помимо этого, он никак не вписывался в образ солдата из-за отсутствия исполнительной выправки и затуманенного выражения на лице. Пить алкоголь я не стал, а они, по очереди отхлебнув из бутылки по глотку, вопросительно посмотрели на меня. Возникла небольшая пауза, так как дело сделано и требовалась развязка.

Русские названия германских городов по произношению иногда очень отличаются от оригинальных. Например, Ганновер по-немецки звучит как Хануфа, а Лейпциг – как Ляйпциш. Произношение к тому же варьируется в зависимости от диалекта и от того, насколько говорящий заботится о понимании своей речи собеседником. Так и с городом Галле. Моя импровизация «ту Галле» долго не срабатывала. Пьяный Бенни Хилл, напрягая извилины и при этом морщась, как Гарри Каспаров перед неудачно разыгранным шахматным дебютом, вдруг выпучился и спросил:

– Хале?

Буква «а» была произнесена совершенно по-другому, чем на русском. Более открыто, а «х» – гортанно, с выдохом. Начальный звук напомнил тот, что возникает, если горло полоскать содой. Также я заметил, что в разговоре немцы открывают рот значительно шире, чем мои соотечественники. Тогда мне еще не было известно о множестве разных диалектов. Саксонский же, на котором со мной пытались наладить контакт, – это вообще сплошная непрекращающаяся катастрофа. Однако название нужного мне города я все же распознал и ответил:

– Да, Хале.

Выйдя на улицу, я почувствовал, что куртка «Made in Mongolia» совсем не защищает от мороза. Впрочем, спасала быстрая ходьба и эйфорическое ощущение обретенной свободы. Никакой офицеришка не прицепится, и не подвезет по адресу случайно проезжающая мимо военная машина. До вокзала оказалось совсем недалеко, а следующий поезд до нового города, лежавшего в темноте, был на подходе. В моих руках очутилась хрустящая бумажка с нарисованным на ней длинноволосым человеком – десять немецких марок. Эххх, спасибо, ребята! Этих денег мне должно хватить на билет, продававшийся в самом поезде.

Снова я стоял на той же платформе, которой меня встретил Биттерфельд. Только уже в темноте – на вокзальных курантах был час ночи. Ветер и снег мешали мыслям. Но точно известно, что скоро, совсем скоро будут теплое купе вагона, попутчики и контролер в красной шапке.

В этот момент меня осенило: ведь все получается, как я задумал! Пройдут еще дни, недели, может быть, месяцы, и однажды это путешествие закончится, а я буду вспоминать его так, как вспоминаю сейчас, сидя совсем другой ночью на стуле перед монитором, когда мои руки привычно скользят по клавиатуре.

5. Галле – Эрфурт

1

Обычно в армии для неуставного подогрева воды в ночное время использовались два бритвенных лезвия с зажатými между ними спичками. Устройство скреплялось хэбэшными нитками, и к каждому лезвию вела проволока, другой конец которой втыкался в розетку. Таким устройством можно за считанные минуты вскипятить полтора-два литра воды. Особо продвинутые солдатики использовали подковы от кирзачей. В этом случае процесс происходил значительно интенсивнее – уже через несколько секунд вода начинала бурлить крупными пузырями. Электрические пробки не всегда выдерживали многоамперные перепады силы тока в казарме накануне регулярного ночного чаепития. Тогда виновнику происшествия грозили неприятнейший разговор с офицером и наряд по полковой столовой. Чтобы избежать двадцатичасового марафона по чистке картошки, в Москве я купил удобный кипятильник. Вещь ценная, новая. На улице сугробы. Выбросить жалко. Вдруг пригодится.

Теперь он лежал в небольшой матерчатой сумочке вместе с военным билетом, студенческим билетом, удостоверением механика тропосферной связи и несколькими справками из двадцатой больницы, где я провел чуть более недели во время отпуска из-за аппендицита. С такими сумочками ходят в магазин за молоком. А чемодан остался в подвале Бенни Хилла, своим черным блеском украшая покрытое пылью помещение.

Вагон оказался сидячим. В купе вместо ожидаемых полок стерильные кресла. Стерильные пассажиры. И я в куртке и джинсах с заплаткой. Туалет удивил отсутствием рвотно-железнодорожного запаха, и в шутку подумалось: я бы тут жил. Он выглядел чище, чем кабинет участковой врачихи в нашей поликлинике. От Биттерфельда до Галле всего тридцать минут наслаждения. Делая вид, что задремал, я украдкой разглядывал сидящих по соседству. Купе демонстрировало полное безразличие к моей личности, заспанному виду и начавшей появляться щетине – я не брился уже несколько дней. Гражданская одежда великолепно играла свою роль.

Большой и пустынный вокзал города Галле встретил божественным натюрмортом. Красиво положенные ананасы, апельсины и картошка смотрели на меня из-за пуленепробиваемого стекла одной из витрин, вызывая дикий приступ голода. Впоследствии я узнал, что принял за картошку фрукт киви. Но кто уж поведает об этом в Галле ночью? Творение декоратора, переливающееся тропической радугой, дразнило недоступной близостью. Сейчас я искренне ненавижу проклятого, с любовью украсившего магазин человека за горы сверкающих оберток конфет и судорогой сведенные скулы. Кроме двух божественных бананов, во рту не было маковой росинки с того момента, как я покинул площадь в Биттерфельде. Подобно попу-расстриге, на которого снизошло внезапное решение избавиться от ананасового греха, я выбежал на мороз – лишь бы не видеть этого невыносимого тропического спектакля в закрытом магазине.

Среди бетонных высоток и обрывков газет, валявшихся на улице и шевелящихся на ветру, не было ни розетки, ни воды, чтобы включить драгоценный кипятильник. Поблизости находился автомат для продажи жевательных резинок. Знаете, есть такие кругленькие жвачки, они неаппетитно смотрят на тебя через исцарапанное стекло. Кидаешь денежку, поворачиваешь рычажок и наслаждаешься пластиковым вкусом. Летом покупка таких жвачек отпугивает муравьями, которые заползают внутрь благодаря своим размерам. Зимой мне было в буквальном смысле наплевать на муравьев, стрекоз и прочих богомолов. О, жвачка! Твой мягкий мятный вкус! Твой запах, щекочащий нос! Конечно, ты не сказочная картошка с витрины. Но ты способна остановить стучащие, как заевший капкан, зубы. Врет тот, кто уверяет, что среди

грязных голодных бродяг счастливых людей больше, чем среди офисных служащих. Любой отчаявшийся бедолага готов пойти на преступление ради корки хлеба. Мне плохо. И сейчас я тоже готов на все. Готов этот автомат с корнями отодрать от здания и в укромном месте насладиться вкусом разноцветных жвачек.

Мимо прошел стандартный кутающийся в кожанку серо-коричневый субъект.

– Сорри, – окликнул я его в робкой попытке привлечь внимание.

Оглянувшись, он быстро уходит. Может быть, это последняя соломинка низшей пробы в моем голодном изнывании. Я – одинокий прохожий, напоминающий зависимого от героина наркомана, которому не хватает денег на дозу, и укол способен спасти его от пенного рычания и сумасшедшего бреда. Мне нужна доза – мой подвернувшийся случай.

– Цигель-цигель. Ай-лю-лю! – донеслось из вокзального громкоговорителя, прервав мою паническую нирвану.

На часах четыре утра, и в полутемном зале появились люди. Мой голодный взгляд нащупал единственную дверь, начавшую испускать свечение – открылась первая кафешка для железнодорожных рабочих, дворников и прочей оранжевой публики, называемой в произведениях классиков марксизма-ленинизма «рабочим классом». Пятимарочной банкноты, оставшейся от стоимости билета, хватало на две сосиски и кофе. Пристроившись около высокого прилавка рядом с трудягами, я замороженно ел, наслаждаясь вкусом мяса и ароматом горчицы. Возможно, в прекрасном Марселе, в уютном ресторане вам предложат жаркое из акулы по-португальски или блины с семгой. А я после голодной зимней ночи готов молиться на две сосиски. Готов отдать душу за тепло бумажного стаканчика, греющего руки, и ласкающий горло горячий кофе.

В начале девяностых у восточных немцев была популярна броская прическа: спереди и на висках коротко подстриженные, а сзади длинные завитые волосы. Если бы не грубые голоса и не одежда посетителей кафетерия, то при взгляде на такое обилие одинаковых людей могло сложиться ошибочное представление, что в Галле каждый третий житель работает сутенером. Именно так я представлял представителей этой профессии – усики и эта стрижка. Подобный парнишка пил кофе рядом со мной. Тепло в желудке и легкая сытость стимулировали работу мозга. Через несколько минут мы общались, насколько позволяло англо-тарабарское наречие. Ему была близка железнодорожная индустрия. А мне? Ну что же. На ходу я выдумывал новую историю, так как вариант, выдуманный для патруля, – «возвращаюсь в часть», с далеким от армейской действительности человеком не проканывал никаким образом. С этой минуты я стал студентом, направляющимся к своей бабушке в южную Францию – первое, что мне пришло на ум. Похвастав парнишке студенческим билетом и рассказав о несуществующих планах на будущее, в ответ из его рта прозвучало слово «комм» – так он пригласил меня переночевать у него дома.

Когда мы вышли, вокзал уже вкалывал на полную катушку. Щелкало табло, показывающее прибытие и отправление поездов. Группа туристов искала выход в город. Они вели себя скованно, передвигались как-то рывками, загораживая нам проход. Восточная Германия пробуждалась. Как девушка, что ранним утром боится показать себя людям, еще не наложив макияжа и не почистив зубы, так и эта страна, в спешке, роняя в умывальник пудру и тушь для ресниц, начинала свой новый день и новую эпоху. Споткнувшись о багаж туристов и извинившись, мы сутуло потопали к дому Ронни – так звали паренька.

2

Тумбочка в узком коридоре была завалена журналами «Плейбой» и прочей порнографией. От включенного телевизора, приятного полумрака и домашнего запаха мои веки налились многокилограммовым свинцом, и я клевал носом, сидя на диване. Сквозь сон было

слышно, как Ронни пытался объяснить мне дорогу на Эрфурт. Это следующий этап маршрута и последний крупный город перед территорией, свободной от присутствия советских войск – пресловутым загнивающим западом. Я почувствовал, как с меня сняли кроссовки, и выключился сном отбойного молотка, ожидающего прихода трезвого прораба.

Мы дрыхли до полудня и попрощались как приятели, которые снова встретятся через несколько часов. Стоя у входа в жилище, мой гостеприимный друг ежился на холоде и дышал на руки теплым паром изо рта. Он был в трусах и футболке. Несмотря на чувство выспанности, я с сильной неохотой покидал теплый домик и квартирку на чердаке.

Над Галле стоял белый туман. Так и хотелось снять невидимые очки и протереть линзы, чтобы краски приобрели свой натуральный цвет, а очертания деревьев и людей стали резкими. Велосипедная дорожка, по которой я спешил, как на свидание, вела вдоль четырехполосного шоссе. «Мерзебург» – стояло на дорожных указателях. Город Мерзости – так откладывалось это название в моей голове из-за промозглой сырости и нарисованного тупым карандашом пейзажа. Включенные фары проезжающих автомобилей и несколько светофоров, встретившихся на пути, подчеркивали унылое зимнее зрелище. Говорят, что это милый городок с замком, собором, рекой и какой-то там историей. Но не для меня. Для меня это белесое, измученное изморозью и льдом наследие Эрика Хоннекера и первый опыт езды автостопом.

– На Эрфурт?

– Йа-йа! Вайсенфельс, – через приоткрытое окно кивают два старикашки.

– Ай эм а студент.

– Штайг айн! Захьйоди. Ти рюьский?

Дверь хлопает, и тот, который с живенькими глазами, давит на газ. «Опель», глухо зажужжав, режет мир на две части – правую и левую, а еще на внешний дубняк и теплый поток воздуха с легким запахом бензина из обогревателей на передней панели. Ступня водителя упирается в педаль, и по мере разгона я все сильнее держусь за спинки передних сидений. Оба старика пытаются шутить, при этом используя свой небогатый словарный запас русского языка. Почти все восточные немцы хотя бы чуть-чуть говорят на «великом и могучем». С удивлением узнаю, что школы в стране носят имена Юрия Гагарина и Маяковского, что здесь пионеры повязывали галстуки синего цвета.

Мгла ушла. Меня высадили в каком-то поле. Над его космической далью слышался автобан. На карте СССР в кабинете географии, а позже в армейской учебке железные дороги казались скелетом страны. Я гордился стуком колес поезда Москва – Владивосток, стройкой БАМ, «Красной Стрелой» и романтикой поездки в Крым. Пройдут часы, дни, даже неделя, и состав, постепенно замедляя свой ход на стрелочных переездах, остановится. Пассажиры увидят банальный железнодорожный тупик, а автобан бесконечен. По серой плазме асфальта вдаль уносятся звезды. Они исчезают за поворотом или холмом, чтобы через некоторое время опять ослепить. Так эритроциты наперегонки несутся по артериям, разнося кислород. Фуры презрительно фыркают, оставляя за бортом тромбы дорожных строек, где таблетка аспирина – знак «конец ремонтных работ» – с новой мощью зажигает мотор. Автобаны – это кровяные сосуды страны.

Колеса машин бьют по пазам между бетонными плитами, очевидно, довоенного дорожного покрытия. Будучи едва не сбитым с ног ветром от очередного зверя, на запредельной скорости выпрыгнувшего из пустоты, пришло грустное осознание факта: как руками ни маши, никто не остановится. Гигантская скорость отнимала надежду на шальную случайность. Распевая во весь голос под оркестр из шинных покрышек, я начал движение в ту сторону, куда катился поток. Часа через полтора быстрой ходьбы по белой полосе, определяющей край автобана, передо мной появилась надпись «Тюрингия». Эрфурт – крупнейший населенный пункт и столица этого региона. Наступил зимний вечер. Боюсь соврать, как долго я еще шел. Мерцающее неоновое свечение и гигантские синие знаки с названиями городов дали понять, что здесь

моя дорога перекрещивается с другой, тоже очень большой. Найдя в списке Эрфурт и выбрав верное направление, я сменил пластинку – с кинчевского рока перешел на тягучие распевы, бывшие ходовыми в раннесоветские годы.

*Спят курганы темные,
Солнцем опаленные,
И туманы белые
Ходят чередой.
Через рои шумные
И поля зеленые
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.*

Незаметно поля сменились дремучим лесом. Белизна снега быстро растворялась среди деревьев, вплотную подступивших к автобану. Колючая проволока еловых ветвей и смола стволов магически приковывали взгляд. Уже минут сорок не было видно ни единого населенного пункта. Успокаивало, что никакая тварь лесная, никакая кикимора на автобан не выйдет.

Ноги изрядно устали, когда вдалеке опять появились горящие рекламные огни. Дорожные знаки стали встречаться чаще, и по ним я узнал, что приближаюсь к городу, название которого слышал из рассказов сослуживцев – кое-кто из нашей роты был к нам переведен именно отсюда. Здравствуй, колыбель немецкого просвещения. Здравствуй, Веймар. Не довелось мне увидеть твои памятники, улицы, по которым прогуливались Ницше и Гете. Но ты дал передышку на моем многочасовом пешеходном марш-броске вдоль автомагистрали. Здравствуй, бензоколонка, твои яркие буквы и цифры. Тепло твоего магазинчика. И надежда договориться здесь о попутке.

Меня подобрал бизнесмен. Прервав мое «ай эм а студент» требовательно нервным движением руки, он предоставил мне возможность в покое осознать, как со стороны выглядит человек, идущий вдоль автобана. Выхваченный светом фар кусок дороги и леса, стоявшего черной стеной с неясным контуром пешехода, смотрелся привлекательнейшей наживкой для полиции. Проверка документов была бы фатальной и автоматически означала конец. Армейский политрук на еженедельной политинформации проповедовал о договоренности, согласно которой власти ФРГ обязывались выдавать беглецов представителям советской военной прокуратуры. Он поучительно тряс перед нами газетой «Красная Звезда», на страницах которой были изображены размытые фотографии измученных лиц выданных дезертиров.

Бизнесмен остановился около стрелки с надписью «Эрфурт». Быстро шагая по делающему плавный полукруг выезду, я наконец-то покинул зону космических скоростей и вышел на обыкновенную дорогу. Указатель отсутствовал. Логика подсказывала, что надо идти в направлении, где небо светлее – в ту сторону ближе людская инфраструктура. Ведь огнями города подсвечиваются низко стоящие облака. О наступившей глубокой ночи «возвещали» неестественная вакуумная темнота и отсутствие какого-либо транспорта. За свежими сугробами по обе стороны угадывалось бескрайнее поле. Мне стало немного жутковато. Потом появился корявый куст. Метров через десять еще один. Они образовывали подобие аллеи. Чем дальше несли меня ноги, тем сильнее росло сомнение в правильности выбранного направления. Очень хотелось бросить сумочку с кипятильником на землю и убежать из места, больше всего напоминавшего декорацию к дешевому фильму ужасов. Последней каплей в решении развернуться стал полумесяц, показавшийся на мгновение между облаками. Это он делал небо светлее. И в его свете передо мной блестело огромное, сделанное из гнутых стальных прутьев полуржавое изображение горного козла со злыми глазами, выделенными красной краской.

Животное пристально смотрело на меня, как живое. В эту секунду впервые за все время следования по адской аллее послышался шум автомобиля. Только бы тормознул!

Я вздрогнул от желанного окрика из небольшого грузовичка. Позади – точнее, уже впереди – был Эрфурт. Грузовичок повез меня в центр города.

3

В отличие от Галле, ночная столица Тюрингии выглядела полноценным, по европейским понятиям, городом. Над черепичными крышами возвышалась величественная стена готического собора, подсвеченная мощным прожектором, три башенки с острыми шпилями напоминали Прибалтику. Впрочем, в Прибалтике я никогда не был. Но именно так, в моем представлении, должен выглядеть средневековый Таллин. Единственное сходство с Галле – безупречная опустошенность улиц. Дома на пути следования стояли, как будто согреваясь, тесно прижавшись друг к другу.

Грузовичок-спаситель оставил меня на парковке. Линия огней отражалась в безмолвии, исходящем от входов в закрытые магазины. Хоть бы собака завывала.

Размеры одного из вытянутых зданий навели на мысль, что я около очередного вокзала. Закидывание сетей удачи в кассовых залах и на перронах уже приносило свои плоды. Кроссовки сами понесли меня к большим деревянным дверям. В это время на парковку заехал старенький автомобиль неопределенной марки. Мое внимание привлекло чихание вылезавшего оттуда длинноволосого водителя – он имел именно ту самую прическу сутенера, пользующуюся популярностью у местных работяг.

– Вы говорите по-русски?

– Найд.

– Где централ стейшен?

Конечно, я знал, где вокзал, так как он находился перед моим покрытым инеем носом. В детской песенке поется о голубом ручейке и о том, что «дружба начинается с улыбки». В избранных случаях знакомство со страной и ее жителями начинается с нелепых вопросов, о стратегическом смысле которых жертва не должна подозревать. В дальнейшем включение «непонятки» и демонстрация независимости в сочетании с театрално беспомощным выражением лица не раз срабатывали в мою пользу. Нужна лишь сдержанность, чтобы собеседник не пронюхал о замысле.

Наслушавшись немецкого языка за последние дни, я уже интуитивно угадывал значение некоторых фраз и сам пытался вставить подходящее по смыслу словечко. Человек предложил мне выпить с ним кофе. Вскинув спортивную сумку на плечо, он проследовал к зданию вокзала. Я семенил рядом с ним, делая вид, что заинтересованно слушаю.

Внутри находился ресторан. Вокруг просторного зала шел балкон с резными перилами. За столиками сидело несколько человек, брэнча вилками – скорее всего, пассажиры в ожидании ночного поезда. Мы подсели к группе людей, цедающих пиво. Находясь навеселе, они наверняка не беседовали о влиянии идей протестантства на народные восстания в Германии. Из клубов сигаретного дыма хрипло вырывалось «шайзе» – слово, не употребляемое в достойном обществе. Делая умные глаза, я внедрялся в компанию.

Пришла девица в свитере и кружевном фартучке работницы общепита.

Сочетание сомнительное. Впрочем, вся компания выглядела довольно гнусно. Меня грыз жуткий аппетит после многочасового перехода – впоследствии выяснилось, что ноги отмерили более шестидесяти километров.

Постеснявшись серьезно напрягать кошельки незнакомых людей, я скромно обозначил чашечку кофе в меню. Официантка взмахнула растрепанным хвостиком, убегая на пару минут, и вернулась с ароматным заказом.

– Хэв ю мани? – волосатый спросил меня о наличии денег.

Укоренившаяся в сознании московская привычка делиться с друзьями в кафешках, тешила уверенностью, что за меня заплатят.

– Нет. Ай хэв нот мани.

Весь день я испытывал холод, вдыхал выхлопной дым на автостраде и смотрел на злого металлического козла. А теперь слышал хриплый хохот сидящих вокруг меня бусурман. Вид их как будто говорил: «Ну что? Допрыгался? Мы о плате за кофе не договаривались». Нервозность ситуации уплотнилась прибежавшей официанткой с блокнотиком и шариковой ручкой в руках. Ее сопровождали трое полицейских. Первым заговорил старший по возрасту.

– Аусвайс?! – геральдический голос гулко прокатился по залу. Бренчание вилок прекратилось.

– Не понимаю.

– Паасспоррт! – это знакомое слово, но с рыкающим тягучим «р» включило мою «дурку» на полную катушку.

– Не понимаю.

Полицейский снял фуражку, почесал примятые волосы и на чистом русском языке произнес:

– Пожалуйста, предъявите документы.

Возникшая ситуация приобрела метафизическую форму. Интеллигентного ответа на вежливо-угрожающее требование блюстителя порядка не находилось. А отвечать требовалось незамедлительно. Сделав лицо еще более заинтересованным и приподняв бровь, я, как заведенный, повторил:

– Не понимаю.

Знаком полицейский предложил подняться и повел к выходу, крепко держа меня за запястье. За нами последовали его коллеги. Бренчание вилок в ресторане возобновилось.

Отделение полиции находилось рядом. Внутреннее убранство, бежевая масляная краска стен и письменный стол напоминали ментовку на станции метро «Курская» в Москве. Плакат на стене, прилепленный изолентой, имел пропагандистско-патриотическое содержание. Двое полицейских – мужчина и женщина – по-крокодилы зубастыми улыбками скалились с него на помещение. Внизу стояла подпись Deutsche Polizei. Они были одеты в зеленые добротнo сшитые крепкие униформы и кожаные куртки. Не спеша прогуливающих в таком виде блюстителей порядка еще десятилетия можно было увидеть на улицах Берлина и Мюнхена.

Поставив руками к стене, меня тщательно обыскали. Затем, вывалив на стол содержимое матерчатой сумочки, занялись просмотром ее уже изрядно потрепанного содержимого. Полицию заинтересовал кипяtilьник. Никто из них в жизни не держал в руках подобного прибора. Догадавшись о предназначении устройства, пожилой усмехнулся, положил его передо мной и с сарказмом в интонации произнес:

– Это шайзе.

Глядя на спираль кипяtilьника и на людей, изучающих свидетельство механика тропосферной связи, я молил Деву Марию и Пресвятую Богородицу о прощении прегрешений моих. Бледное привидение серьезного политрука, восседавшего на почетном месте с газетной статьей о дезертирах в «Красной Звезде», скрюченным пальцем грозило из Лютерштадт-Виттенберга. На лбу выступил холодный пот.

– Комм.

Полицейский участок имел два входа: из города и со стороны платформ. Меня вывели через второй.

– Иди, – от этого русского слова я вздрогнул.

– Куда идти?

– В Москву иди. Туда не иди, – полицейский махнул рукой в сторону.

Вручив мне сумочку, он развернулся, оставив меня под начавшимся снегопадом. Несколько секунд я обдумывал произошедшее, покачиваясь из стороны в сторону. Кроме ресторана, идти некуда, поэтому я со всех ног снова бросился к его дверям в надежде увидеть волосатого и его товарищей. Перспектива общения с чужими людьми, сдавшими меня в полицию, улыбалась мне больше, чем вся готика зимнего Эрфурта.

Ресторан пустовал. Скорее всего, пришел поезд и забрал с собой публику, насладившуюся драматическим зрелищем: арестом не заплатившего за кофе лохматого парня. Окинув взглядом балкон, я заметил локоть, выглядывающий из-за того же злополучного столика. Несмотря на нетрезвое состояние, обломок веселой компании, сидевший в одиночестве, сумел меня спросить о случившемся. В ответ с его языка соскользнуло понимающее «идиотэн». Поинтересовавшись, что я хочу пить, заказал кофе, расплатился, и мы вместе пошли к стоянке такси. Делов-то!

4

Философы и некоторые религиозные авторитеты тысячелетиями пишут, что человек счастлив, если живет нынешним днем. Не знаю, испытывал ли я такое чувство, сидя в такси. За спиной был путь, на котором я неоднократно спотыкался, нарывался на неприятности и решал головоломку судьбы. Такси поворачивает, и открывается другая улица, освещенная огнем из квартир. Она как новый сюрприз. Черные тени образуют места, где таятся встречи или события. В каждом пролете между домами, на любой автобусной остановке ждет Его Величество Случай. Мои чувства обострены. Я как пес, идущий по следу. Как канатоходец, с шестом в руках зависший над карнавальную площадью между прошлым и будущим. Внизу шум, бьют барабаны, а меня ведет невидимая рука через бездну. Ступня чувствует натянутый трос. И так шагок за шагом. Мистики счастья в этом нет, но отрешенная концентрация обостряет инстинкт выживания и интуицию. Удача точно ждет тех, кто один на один с самим собой, сегодня, сейчас.

Такси остановилось около пятиэтажки. Спустившееся существо было женского полу. Хозяюшка весила килограмм сто двадцать пять, пахла сладко-соленым запахом пота, и, самое удивительное, она была голая. Видимо, мой спутник являлся настолько доверенным ей лицом, что накинутый халатик считался вещью излишней. Сонно хмыкнув, она убежала наверх, шлепая пятками по ступенькам. Дверь оставалась приоткрытой, и мы поднялись в квартиру. На кухне курил человек в семейных трусах. Физиономия кавалера напомнила мне Дон Кихота, попавшего под ноябрьский дождь – редкие пряди волос и черные усы свисали вниз, подчеркивая хрупкую шею. Такой вид идеально вписывался в бардак. Хозяюшка поцелуем обозначила наличие нежных чувств к Дон Кихоту и, зарывшись под одеяла, вскоре засопела.

Сдвинув громоздлившуюся посуду в сторону, мы пытались найти общий язык. Название рок-группы Iron Maiden послужило ключом к международному взаимопониманию. Музыка из двухкассетника заглушила храп, доносившийся из спальни. Наверное, хозяйюшке приснился счастливый сон. А ребята наперебой изгалялись в перечислении всевозможных музыкальных направлений и всеми силами старались показать свою компетентность в обсуждаемом вопросе.

– Сэксон гут?

– Йа! Гут!

Мы чокались чайными чашками, закусывая несвежим бутербродом. Дон Кихот постоянно колдовал над магнитофоном, вынимая из рядом стоящей коробки все новые и новые кассеты. Музыкальная тема обрела пикантный оттенок, когда он с грохотом открыл один из шкафов и достал несколько пистолетов. Очумев от неожиданности и пытаясь скрыть удивление, я выслушал его вопрос, сказанный вкрадчивым голосом наивного ребенка:

– Пистоле гут?

В руках у меня неожиданно оказался увесистый револьвер с длиннющим дулом и барабаном. Такие встречаются в ковбойских фильмах у патентованных обитателей аризонских пустынь. Как правило, с ними грабят паровозы, нагруженные золотом. Имея такую вещь в кобуре, охотятся за легким долларом или защищают невинных. Иногда одновременно.

Револьвер был любимым детищем и гордостью Дон Кихота. Расставив ноги и подергивая костлявыми коленками в такт музыке, он продолжал, как в трансе:

- Сэкс пистольс гут?
- Гут-гут!
- Клэш?
- Йа! Гут!

Как уж тут не согласиться, глядя на розовые пятки, уверенно упирающиеся в линолеум? Убедившись в моих познаниях, Дон Кихот облегченно вздохнул и положил оружие в шкаф на прежнее место. Его радовала появившаяся возможность произвести позитивное впечатление на ночных гостей.

Небо за окном посветлело перед восходом пугливого солнца. Затем короткая акварель снизошла на Эрфурт, напоминая нам о том, что пора ложиться спать. Закаркали вороны, испуганные странной тишиной, возникшей после выключения кассетника. Хозяюшка затихла, больше не издавая ни звука. Желто-черные краски ночного города быстро превращаются в серо-голубую бледную изморозь со ждущими весну осиротевшими ветвями деревьев. Одна за другой зажигаются люстры в домах и по всему миру, на миллионах сковородок жарится яичница. Зимнее утро буднего дня – это время яичницы. Его конец наступает с хлопаньем дверей и обрывками разговоров внизу – люди пошли на работу.

На полу мне постелили тонкий матрас, вручили плед, предоставляя возможность уйти в себя. Штутгарт, Карлсруэ, Страсбург, Лион – это ориентиры в дальнейшем передвижении. Переход через французско-немецкую границу не вызывал озабоченности. Мной владела уверенность, что эти штрихи на карте, обозначающие границы двух государств, совсем не такие, как в Бресте. За нелегальное пересечение тут не станут судить и не сошлют на несколько лет в Алтайский край.

Мы проснулись в шесть часов вечера. По-быстрому хлебнув дымящийся кофе и одевшись, гурьбой вышли на улицу. Около подъезда наши пути разошлись в противоположенные стороны. Им направо, а мне налево. Вчера, сидя в такси, я не следил, куда мы ехали. Теперь передо мной лежала совсем обычная, ничем не примечательная улица. Мороз стал свирепе жечь уши, и мной овладела тоска по любой, пусть самой неказистой, зимней шапочке. Разница между вчерашней ночью и этим вечером состояла только в наличии женщины с детской коляской.

Она не спеша прогуливалась. И я обратился к ней:

- Сорри. До ю спик рашн?
- Чьють-чьють. Совсэм мало.

Все-таки хорошо, что в этой стране многие хоть как-то разговаривали на русском. Советская власть воистину сделала наш язык интернациональным.

- Вы не подскажете дорогу на Штутгарт?
- Пешком?
- Да, пешком.

Женщина заулыбалась и оживилась. Как будто всю жизнь мечтала, что ей будет задан вопрос, звучащий приблизительно так: «А вы не подскажете, как добраться пешком из Тамбова в Псков?» С тем же успехом можно спросить о Париже или о пешей прогулке из Рима в Краков. Энергично размахивая руками, она объясняла:

- Прямо, лево, потом прямо. Понимаэш?
- Да-да. Конечно, спасибо.

– Потом ходи право и снова лево и прямо-прямо-прямо. Большой дарога. Аутобан. Понимаэшъ?

– Сэнкс. Данке, – поблагодарив, я зашагал по направлению «прямо».

Как я ни пытался придерживаться курса, но все-таки очутился в глухом месте. Ко мне пришло жуткое осознание того, что заблудился. Неубранный снег на тротуаре, тянущиеся гаражи и частный сектор со всей очевидностью не были признаками близости к скоростной трассе. Нелепость положения усиливалась тем, что я потерял чувство времени. Тридцать минут, час, четыре часа – я не знал, сколь долго продолжались поиски выхода. Знак с перечеркнутым «Эрфурт» около последнего гаража возвышался финальным крестом. В темную даль, похожую на тундру, уходила дорога явно не национального значения. На такой едва разъедутся два автомобиля. И где-то там, в ночи, мигала одинокая лампочка – наверное, сельская усадьба или хутор.

Около одного из крохотных дачных домиков стояли велосипеды, не покрытые снегом. По тропинке я пошел к двери и позвонил. Открыла пожилая супружеская пара – бородатый мужик и выглядывающая из-за его капитанской спины невысокая дама. Втайне я надеялся, что меня пустят в дом. Синие уши и легкая куртка могли разжалобить циника любой масти. Уподобляясь цыгану и театрально демонстрируя замерзшие руки, я выдавил из себя ангельским голосом вопрос о дороге на Штутгарт.

– Айн момэнт.

Дверь приоткрылась шире, и через минуту мне вручили глянцевый дорожный атлас. Такие используют автоводители. Обычно они лежат в бардачке, рядом со скребком для чистки стекол от снега, инструкцией для машины и прочей мишурой. Ткнув пальцем в точку нашего местонахождения, они промурлыкали на прощанье и захлопнули дверь.

Этот атлас внес ясность во многие мои соображения. Самым поганым из всех стало осознание того, что, поехав в Эрфурт, я сделал более чем стокилометровый крюк. Эрфурт не имел ключевой дорожной развязки, и единственная ярко-оранжевая линия, обозначающая автобан рядом с городом, как будто нарисованная чьей-то неумелой рукой, коряво проходила с востока на запад. Местность к югу зеленым пятном угрожающе выделялась на карте низкой плотностью населенных пунктов. Наверное, заповедник. Железный козел, встреченный мной прошлой ночью, охранял дорогу туда. Самому городу посвящалась одна из страниц. Несмотря на мелкий масштаб и абстрактность точки, куда ткнули пальцем обитатели дачи, я выбрал нужный курс. Совсем скоро перед моим взором предстала бензоколонка.

6. На юг

1

Еще недавно я как зачарованный смотрел на автобан, и теперь в моих зрачках вновь отражаются его разделительные полосы. Иногда кажется, что автомобили зависли в пространстве, но это обманчивое чувство – я лечу на огромной скорости, с надеждой посматривая в подаренный мне дорожный атлас. Там названия населенных пунктов, мимо которых несется машина. Вблизи дорожных развязок появляются огромные синие щиты с направлениями на Дрезден, Лейпциг, Берлин, Йену и Геру. Машины смело идут на обгон. Иногда обгоняем мы. Свет наших фар жадно хватает из космоса название «Хоф» – первый город в западной части Германии. До него еще тридцать километров, и я шепчу про себя: «Ну, лишь бы теперь ничего не случилось».

Смотря из окна и переговариваясь с пятидесятилетним дядечкой, подобравшим меня на эрфуртской бензоколонке, глазами царапаю черноту впереди. И чернота расступилась. Вверх бьют прожекторы. Вот на мягком фоне включенных светильников различаю трафареты людей в помещении, расположенном на мосту над тысячами двигающихся автомобильных огней. В воображении сразу возникли строгие полицейские с лающими немецкими овчарками на натянутых поводках и, как следствие, допрос. В груди екнуло. Неужели граница? Неужели, несмотря на объединение ФРГ и ГДР, остался контроль, где придется показать документы? Однако водитель не переключает передачи и не жмет на тормоз. Его лицо невозмутимо. Не снижая скорости, мы оставляем позади бывший контрольно-пропускной пункт между двумя Германиями, превратившийся в ресторан и бензоколонку.

О немецко-немецкой границе ходит множество легенд. Жители ГДР лишь в исключительных случаях могли воспользоваться привилегией пересечь эту черту. А немцам из Федеративной Республики доводилось. В ту часть Берлина, что находилась под контролем западных стран и пользовалась репутацией капиталистической катаракты на кристально девственном теле государства рабочих и крестьян, уезжало немало западных немцев. Как правило, это были молодые люди, и мотивом переезда было нежелание идти в Бундесвер – из Западного Берлина в армию не призывали. Именно по этой причине там очутился человек по имени Саша – таким русским именем звали юношу из Дуйбурга, не желавшего ни под каким соусом идти на службу в армию. В Берлине он работал на стройке. Иногда навещал родной Дуйсбург, где жили отец, мать и сестра. В случае поездки на автомобиле приходилось придерживаться определенных правил для иностранцев. Одним из которых было обязательство не сворачивать с пути, обозначенного Политбюро. Саша знал о запретных предписаниях. Забыв после работы домой, быстренько покидал в сумку все необходимое: банку кока-колы, запасные джинсы, трусы, носки, газету, зубную щетку и прочую холостяцкую мелочь.

Ни о чем не подозревая, он подъехал к одной из самых строго охраняемых границ мира – к той, где капиталистический империализм непосредственно соприкасался с очередным государством, в котором «сказка стала былью». Расслабившись на сиденье, Саша беспечно курил сигаретку в ожидании своей очереди, а снаружи прогуливался бдительный пограничник Народной Армии. Случайно его взгляд упал на кокетливо подмигивающую обнаженную женщину на титульной странице газетки, лежавшей рядом с Сашей. В глазах пограничника данный факт являлся злостной пропагандой капитализма в стране труда и наглым вызовом «справедливым» правилам и постановлениям Политбюро. Поэтому Сашину машину разобрали на мелкие части в нескольких метрах от спасительного пограничного столба.

Не обнаружив иных средств, коими Запад мог навредить Востоку, пограничники ушли, а Саша в недоумении смотрел на лежащие рядом с машиной сиденья, открученный карбю-

ратор, стартер и несколько десятков гаек и пружин непонятного происхождения. В сторонке сиротливо возвышались колеса, бережно положенные одно на другое. Чертыхнувшись и сплюнув, Саша проклял коммунистическую систему и откровенную тетку из бульварной газетенки. Через тридцать лет после случившегося мнение этого очень простого человека не изменилось. С тех пор он вообще не покупает газеты и ГДР считает крупнейшей ошибкой истории.

Радость встречи, смерть от выстрела в спину и победившая любовь – немецкие границы знают много ярких эпизодов. Тогда мне довелось лишь бросить мимолетный взгляд на превратившуюся в пепел былую славу, вызывающую дрожь при прикосновении к ее памяти. И я знаю! Я точно знаю и свято верю в это сейчас, что ее загробная суть никогда не вернется назад.

Беленький «Форд Фиеста» борется с собственным весом на подъемах, а мои глаза – с тяжестью век. Дорога ведет на юг, на Нюрнберг. Там дядечка меня высадит, а пока у меня есть замечательная возможность забыться. И в первый раз привиделся мне дурацкий сон. Он повторялся еще долгие годы в разных вариациях, но с неизменным сюжетом.

Как будто все получилось, жизнь наладилась, но почему-то нужно повторить. Я в Белоруссии, на польской границе. Лежу в кустах, на мне надета шинель, и размышляю над тем, как вырваться назад. Сотни раз меня кусали пограничные собаки, и сотни раз я полз по взрыхленной нейтральной полосе. В ужасе очнувшись ночью, я радовался теплому одеялу и включал ночник, с облегчением понимая, что проснулся.

Обычно автобан кольцом опоясывает города-мегаполисы и региональные столицы. Это не относится к достопочтенному Нюрнбергу. Пересечения крупнейших магистралей страны около города образуют остроугольную геометрическую фигуру. В обыденной речи это сплетение так и называют – Нюрнбергский треугольник.

Бензоколонка «Фойхт», где меня высадили, оказалась на южном углу. Уже было утро. Наконец-то переливалось яркое солнце. Таял снег. Десятки людей сустились на парковке. Мир, прежде мною виденный в темное время суток и во время снегопадов, стал совсем другим. Что он наполнен яркими красками одетых в лыжные куртки детей. Лес, казавшийся мне страшным под Эрфуртом, состоит из зеленых сосен, взвивающихся в голубое небо. Из магазинчика пахнет жареным мясом. Эх, не для меня!

Не рискуя зайти внутрь, чтобы не искушать себя великолепием невиданных мной ни разу в жизни блюд и продуктов – опыт, приобретенный в Галле, дал о себе знать – я пошел к выезду с парковки. Оптимальное место для автостопа – это там, где автомобили слегка притормаживают, чтобы водитель осмотрелся перед тем, как встать на взлетную полосу и, рванув, дать газу.

– Нах Штутгарт?! – я кричу в открытое окно остановившейся легковушки, пытаясь перервать шум от двигателей дальнобойных фургонов, набирающих скорость.

– Найн! Сорри! – в ответ кричит незнакомец.

– Нах Штутгарт? – следующему в очереди.

– Найн! Мюнхен.

– Штутгарт?! – машины останавливаются часто, давая возможность для выкрика.

– Мюнхен!

– Стой! Нах Штутгарт?

Все едут куда угодно, но только не туда, куда мне надо. Автобан ревет, как чудовище. Как циклоп, которому Одиссей только что выколол глаз. И в ослепляющем свете, в брызгах из-под колес от длинных шлейфов воды, оставляемых героями этой безумной гонки в воздухе за собой, солнце рассеивается на составляющие цвета.

Тепло немецкого юга ласкало спину под курткой. Надо спешить! Ведь в Марселе смех знойных красоток и кроны пальм купаются в облаках. Там горы, субтропический лес. Там пляж, и там ждут корабли. В отличие от магазинчика, находящегося в ста метрах, может быть, ждут меня. В конце концов, граф Монте-Кристо – авторитетный персонаж из книжки Александра Дюма – жил в городе на Средиземном Море.

Бывает, на принятие судьбоносного решения нужны годы, месяцы, недели. Мы думаем, замерев в равновесии между страхом и выгодой, так и не решаясь на первый шаг, боясь потерять пульт управления под диваном и ежемесячное жалование на работе. Но, оказавшись в пути, без дома и денег, все-таки начинаем игру, в которой проигрыша быть не должно.

Поехав в Мюнхен, я отклонялся от намеченного пути, зато приближался к другой теплой стране – Италии. Принимая во внимание размеры Мюнхена и жирные оранжевые линии автобанов, звездой исходившие из этой точки на карте, что мне давало возможность маневрировать удобнее, чем с бензоколонки «Фойхт», я решил поменять курс.

2

Вскоре меня подобрал итальянец с глубоко посаженными грустными глазами и пухленьким животиком. Земляк Пиноккио владел немецким не намного лучше его нового попутчика: – Си-си. Монако. Их фарен Монако, – так на его языке значит Мюнхен. Итальянский выговор обладает свойством превращать любого пекаря в пиццерии в звезду экрана. Восседавший итальянец, подобно разрекламированному гиганту, вальяжно развалившись, втянув с силой голову и положив уши на плечи.

Неловкость мешала беседе. По выражению его лица и двусмысленным взглядам на мои ноги, я догадался, что от них исходит запах, не делающий мне чести. С ужасом подумалось о давным-давно не чищенных зубах и всклокоченной голове. Изможденным видом, в штанах с заплаткой и куртке «Made in Mongolia» я смахивал на молодого наркомана, уверенно вступающего в маргинальное будущее. Строгого поглядывания итальянца в мою сторону не смягчило волшебное «ай эм э студент». Заметив дорожный знак с символом бензоколонки, он притормозил и въехал на стоянку. Попросив меня остаться в машине, удалился на несколько минут и вернулся с двумя вкуснейшими булками с маслом и медом. Вручив их мне и буркнув «буон аппетито», вцепился в руль. Булки размазывали перед глазами окружающий пейзаж. Согревающая сладость меда и постоянно мельтешащее солнце вызвали состояние борьбы с теплой усталостью, из-за чего морщится лоб, а напряжение в области щек и верхней губы заставляет жмуриться. Наконец-то обмякнув в кресле с гримасой на лице, я сдался.

Очухавшись от толчка автомобиля при остановке, сперва я увидел перед собой большой декоративный булыжник. Десятками камней были обложены газоны около парковки, а вдалеке над плоской крышей виднелось «Фатерштэттен» – название бензоколонки. Кичливо оттопырив пальцы, итальянец мяукнул «чаао» и исчез вместе с автомобилем.

Бензоколонка стояла на кольце вокруг Мюнхена, и здесь заправлялись те, кто транзитом находился на пути в Австрию и Италию. Ее неудачное расположение в сочетании с моими замученным лицом и канифольным видом аннулировали все попытки вызвать у водителей сострадание. Особенно раздражали те, кто молча мотал головой, выражая свое неодобрение моей нынешней жизненной позицией. Очень редко кто останавливался, сжалившись от вида голосующего бродяги. Но и среди них никто не направлялся в город. Короткая стрелка часов постепенно перемещалась в нижнюю часть циферблата. По направлению к Мюнхену находилось широкое снежное поле, а за ним темной полоской выделялась деревня.

Чувство трагической озабоченности заставило меня перейти к более активным действиям. Около телефонной будки выстроилась очередь. Подойдя с фланга к стоящим, я громко начал:

– Сорри. Ай хэв а кюэстшэн.

Очередь сразу же изменила форму, взяв меня в полукруг.

– Ай эм э студент.

Некоторые слушатели закопошились в кошельках и стали шарить по карманам, приняв меня за вежливого попрошайку. Это вызвало чувство стыда, однако я не отступил от амплуа:

– Ноу-ноу! Ай вилл то Мюнхен. Мейби кто-нибудь кэн бринг ми то сити?

Толпа облегченно выдохнула. Извращенный, но доступный английский дал понять стоящей полукругом публике, что сейчас мне нужны не деньги. Впрочем, от них бы не отказался.

Освободившись от морального бремени, очередь потеряла ко мне интерес. Кошельки вновь очутились в дамских сумочках, и восстановился порядок, существовавший до моего вопроса. И опять за спиной я услышал спасительное слово, за время путешествия ставшее родным и близким: «Комм».

Промчавшись по автобану считанные секунды, при первой возможности мы свернули на широкую улицу, обрамленную одно- и двухэтажными домами – по всей видимости, пригород. Немец тормознул на площади около подземного перехода и что-то прокудахтал по-своему – видимо, хотел помочь советом и попрощался, оставив меня перед новой головоломкой – неким подобием входа в метро.

Взгляд искал привычные для окраин обгрызанные шестнадцатиэтажки, автобусные остановки и вечно спешащую толпу, ларьки, рынок, бабок с букетиками цветов. Но не было даже киоска «Союзпечать» и уж подавно – будок с покоцанными надписями «Ремонт часов» и «Ремонт обуви» со сторбившимися мастерскими внутри, исподлобья позыркивающими на вселенную.

Осторожно заглянув на лестницу, я с ужасом убедился, что отсутствуют турникеты, используемые для создания физической преграды всякому рискнувшему войти без оплаты. Добротно сделанные советские капканы безотказно лупили по ногам осмелившихся не заплатить, вызывая высокочастотную трель из свистка женщины, сидящей на стреме в шлемоподобном головном уборе. Где все это? Знакомая мне с детства московская суета на этой площади казалась нелепой. Даже подумалось: а реальной ли была моя жизнь в Москве? Это сомнение с годами усиливалось и фактически дало мне возможность иметь две жизни – там и тут. Иногда мираж прошлого возникал на горизонте, но дальнейшие события, встречи и быт все больше стирали его, как ластик стирает рисунок карандашом. Однако даже через годы, когда лист постепенно становится совсем белым, стоит лишь в руки взять карандаш, то снова рисуешь теми же штрихами.

Так и не рискнув спуститься, я пошел пешком. По бесконечной прямой мимо меня, как по конвейеру, двигались косметические магазины, игрушки в витринах, таблички всевозможных размеров с названиями фирм и именами людей. Не помню, по какой именно улице я тогда входил в Мюнхен. Она где-то в восточной стороне и тогда была освещена ярким зимним солнцем. Забыв о страхах и полиции, я шел, не задумываясь о последствиях. Мимо проезжали караваны легковых автомашин, а я голосовал на ходу, когда появлялось желание.

3

– Витька, а в Мюнхен-то как попал?

– Да как? Так и попал. Элементарно! – мой собеседник смеется.

– Витька, ну я знаю уже. Расскажи остальным.

Витька Мосин мой дружан. Долговязый, с белыми, как у альбиноса, волосами.

Числясь членом ЛДПР, он перевозносил выше крыши Владимира Вольфовича Жириновского и гордился партийным билетом, чем-то напоминающим мое удостоверение механика тропосферной связи. Витька любил болтать.

– Служил я в Таджикистане. Да нет, не срочником. Сколько раз повторять: прапорщик я. Пра-пор-щик! По буквам продиктовать?

Он поправляет воротник у свитера и продолжает, развязным тоном пытаюсь скрыть врожденную застенчиваость:

– Да че там ловить? Пули?

В Таджикистане шла гражданская война. Остатки советских войск, стоявшие на границе, пытались отстреляться от наседавших с севера повстанцев, а с юга – от афганских крестьян, известных всему миру под названием «душманы». Глядя на Витьку, его трудно представить с бронебойным пулеметом в руках. Он из тех, кто всю жизнь старался придерживаться действующих правил. Строго одевался, покупая одежду исключительно в дорогих консервативных магазинах. Принципиально не матерился, алкоголя вообще не пил. Зато очень любил шоколад. Кажется, что такой человек мухи не обидит. Его считали снобом, а он лишь пытался стать частью законопослушной разноцветной массы, но неудачно. Потому что больше шоколада Витька любил свободу.

– Ну, я и драпанул. Я че, упал там так подставляться? Сначала я к Владимиру Вольфовичу хотел, но потом решил все-таки на запад двинуть. Да у них там перестановки какие-то в партии. Ну, сам понимаешь. Не в родной же Владивосток возвращаться. Я к румынской границе поехал. Слышал, что румыны и молдаване границу открыли? Не верь таким байкам. Ахх. В общем, зря ездил.

Витька кривится гримасой неприязни к странам, усложнившим его дерзкие намерения. Заграничного паспорта он за всю свою жизнь в глаза не видел. Слово «виза» у него вызывало протяжный стон. Военного, самовольно покинувшего регион боевых действий, в любой прокуратуре автоматически ждут как желанного гостя. Ни о какой визе речи быть не могло.

– Я еще к венгерской границе съездил – там глухо, и на польской тоже ловить нечего. А вот в Чехословакию рискнул.

– Витька, через границу-то как перешел? На дельтаплане перелетел?

– Подхожу к колючке. Я ведь подготовился хорошо, кожаные перчатки купил.

Кусачки у меня были. Хватаюсь за проволоку, а она, зараза, по рукам током бьет.

– Мда. Вот ты, мать твою. А погранцы?

– Я не дурак на рожон лезть. Целый день перед этим лежал в кустах и смотрел, в какие часы они мимо проходят.

Когда прошел патруль, Витька, выждав минут пятнадцать, сделал первые шаги к проволоке, чтобы исследовать преграду вплотную и начать действовать.

Подобное ограждение я уже видел под Брестом и с полной ответственностью заявляю: преодолеть его – задача исключительно трудная, почти нерешаемая.

Вскоре послышался лай собаки. Овчарка набросилась на Витьку, но тот хладнокровно огрел ее до потери сознания пустой винной бутылкой, брошенной пограничниками в зарослях. А затем полез вверх.

– Лезу, а она током жгет и как начала на меня заваливаться!

Оказавшись на другой стороне, советский прапорщик и член ЛДПР с момента основания партии со всех ног бросился прочь. Задыхаясь от нехватки воздуха и возбуждения, он пересек овраг и по замусоренному полю достиг пункта, где находился советский пограничный столб.

– Да метров триста дотуда. Если не все пятьсот. Настоящая помойка. Че они там делают, на нейтральной полосе? Потом в Кошице добрался. Там большой вокзал, ну, и сел на крышу товарного вагона. Еду, а люди мне все время руками махали. Спал в основном. А что еще на крыше вагона делать? Просыпаюсь ночью, смотрю – остановка с надписью «Трудеринг». С вагона соскочил, и оказалось, что в Мюнхен попал. Если бы днем, то дальше поехал. В военной гимнастерке, с вещевым мешком и в сапогах еще в полицию заберут.

Не снимая военной одежды, Витька сумел без документов из Таджикистана добраться в Мюнхен. Я всегда верил, что он гений!

За удивительно светлой внешностью и неуклюжестью жирафа хранились тайны, которых не знали даже его близкие друзья. Спустя несколько лет вечером к дому, где жил Витька, подъехали полицейские автомобили и автобус. Оттуда выскочила группа захвата с лающими псами на поводках, окружила здание, и несколько вооруженных людей бросились к парадному входу.

Выломав дверь, они обнаружили, что Витьки нет. Он скрылся и с тех пор больше не появлялся. Что он натворил – для всех осталось загадкой. Кто-то рассказывал, что его видели в Мадриде.

Мой въезд в Мюнхен не так импозантен. Попутка остановилась около массивного серо-металлического небоскреба в ультрасовременном стиле.

Оглядевшись и пробежав глазами по сетке окон, я перешел через перекресток. На город спускался долгий вечер, и зажигались первые люстры.

4

Иммиграцию принято делить на волны: первая – революционная, вторая – послевоенная и диссиденты. Сталкиваясь с представителями всех трех, я видел разные людские типажи: от белогвардейских бабушек-одувачиков до тронувшихся рассудком иеромонахов-алкоголиков. Вальяжного профессора древнегреческого языка и забулдыгу из Экибастуза, приехавших в незнакомую страну, роднит то, что в этот переходный период, способный тянуться годы, они инвалиды по жизни. Отличие лишь в качестве и размере инвалидной коляски. Именно в это время осознание ущербности сталкивает лбами и спаивает крепчайшим припоем самых неожиданных персонажей, которые при обычных парниковых условиях друг с другом бы не поздоровались.

Мой первый опыт был brutальным с физической и моральной стороны. Но на пути из Москвы в Мюнхен всегда находились люди, протягивающие мне руку помощи. Никого из них я больше не встретил, но до сих пор вспоминаю о них с благодарностью. Теперь, впервые вдыхая мюнхенский воздух, уставший, замерзший, бездомный и грязный, я оказался в числе первых на гребне новой волны, образованной изгоями, немцами-переселенцами, евреями, нелегалами и беженцами-азюлянтами. Робкая, едва заметная четвертая волна переросла в чудовищное цунами, по мощности превысившего всю предыдущую иммиграцию в целом. Покинувшие свою страну в эти месяцы были первой пеной. Только я этого еще не знал.

7. Первые сутки в Мюнхене

1

Погода портилась. Город встретил меня пустотой уличных пролетов, уходящих в бесконечность, и сутулостью редких прохожих, прятавших руки в карманы. Небо ушло. Сублильные здания крышами упиралась в тяжеловесные серые облака. Проходя по лесному массиву, оказавшемуся Английским парком, я увидел отштукатуренные белые стены. Рядом на табличке красовалось «Radio Liberty» – радио «Свобода». Побывав до этого лишь в городах на территории восточной Германии, в эту секунду остро почувствовалось, что этот мир является противоположностью мира, породившего меня. Размышления о легендарной радиостанции, форпосте западной пропаганды в радиоэфире СССР оставили глубокий шрам на бескомпромиссном стремлении к романтике средиземноморских пальм. Табличка как будто спрашивала: может быть, все-таки Мюнхен?

Пытаясь отогнать, как мух, сомнения от святой идеи, я вышел на широкий проспект. Разноцветные огни, мельтешащие люди, сверкающие хромом бамперы автомобилей и памятник королю со скипетром и короной – все они производили ошеломляющее впечатление. Величественные постройки напомнили Невский проспект. Только закрытые двери магазинов не давали возможности зайти в них согреться. Впрочем, вряд ли я осмелился бы открыть одну из них. В гламурных бутиках не ждут оборванцев с заспанными глазами.

Закрытые двери – признак выходного дня. Так я догадался, что сегодня воскресенье. Единственным местом, предоставляющим возможность согреться и перевести дух, был университет. Зайдя туда, побродив по пустым коридорам и аудиториям, я нашел лавочку и уснул, подложив под голову стопку книжек, взятых на кафедре романской филологии. Сон длился до тех пор, пока угрожающий голос не заставил вздрогнуть и приподнять затылок. Надо мной стоял человек. Единственное слово, которое я разобрал в его эмоциональной речи – грозное «полицай». Оно выгнало меня на улицу.

Подземный переход, ведущий к станции метро «Университет» послужил местом моего нового базирования. Подобно надоедливому нищему, я приставал к прохожим с разными вопросами в надежде найти того, кто каким-то непонятным мне образом облегчит мою ситуацию.

Чтобы достоверно уяснить происходящее, поставьте небольшой эксперимент. Находясь в чужой стране, поздним вечером наденьте самую грязную одежду. Волосы взлохматьте, а на лицо нанесите тонкий слой подсолнечного масла, чтобы к нему клеились грязь и смрад. Оставьте кошелек дома и в таком виде идите на центральную улицу в поисках любой возможности, которая позволит переночевать в тепле. Другьям предварительно не звоните и не обращайтесь в социальные службы, способные оказать поддержку. Поверьте, задача трудная.

Выхватывая из проходящих мимо людей наиболее подходящие кандидатуры, я обращался к ним с различными вопросами. Через час или два, обнаглев и потеряв всякий стыд, мне уже не надо было действовать намеками. «Ай эм э студент» сразу-же превращалось в конкретную просьбу о том, что мне нужна любая помощь, включая ночлег, работу, ужин. Мир не без добрых людей. Абсолютно незнакомые люди дважды пытались помочь мне найти возможность подработать. Первый раз – в каком-то ресторане. А второй – в забегаловке, где студенты занимались копированием документов.

Время шло, а с ним сокращалось количество проходящих мимо. За полночь переход совсем опустел. Жутко уставший, я сел на пол в закутке, и отчаяние победило меня. С лестницы, ведущей наверх, веяло жестяным холодом. Он язвительно шептал, что впереди долгая зимняя ночь в чужом городе. Он будет дразнить светом в окнах квартир. Хлестать снегом

и кашлем. Когда город совсем заснет, он включит режим ожидания, который спазмами пойдет по коже и мускулам. Если ему повезет, то кинет на лед и, кривляясь, расскажет о мюнхенских зимах, когда температура падает на двадцать градусов ниже нуля.

Но ангелы, которые смотрят сверху и видят своих героев, дали мне шанс не сдохнуть. Я снова молюсь на вас, ангелы, за то, что было послано мне – за громкую русскую матершину в подземном переходе, доносившуюся из-за угла.

Везет туристам! Везет всем тем, кто наслаждается кофе в кафешке за стеклом. Везет безработным, сидящим в теплой квартире. Везет наивной девушке, которую кавалер галантно угощает вином. Но я пью не за вас! Я предлагаю выпить за всех тех, кто без зонтика попал под холодный дождь. За потерявших кошелек в чужом городе. За забывших пальто. За опоздавших на важную встречу!

Умники учили меня, что вокруг лишь материальная суть – так называемая «нормальность». Их слова звучали авторитетно. Все без исключения – это скучные люди, которым не суждено взять в руки монетку и, подкинув ее, ждать, как она делает выбор. У нее три стороны! – орел, решка, но, возможно, она встанет на ребро. Потому что существует грань между наивной магией невозможного и спесивой банальностью вокруг. Эта грань всегда выпадает тому, кто, кутаясь от ураганного ветра, находит приют, потому что искал его.

Удача неизбежна, если искренне хотеть и цепляться за последнюю соломинку.

Выпьем за тех, кто кидает монету и дает ей встать ребром, превращая «нормальность» в ничего не значащую демагогию. Потому что умники не лучше сибирских шаманов, а их речи значат не больше, чем гороскоп на неделю из бульварной газеты.

2

Шум исходил от двух молодых парней и коренастого мужика. Парни вполне могли сойти за московских пацанов, а коренастый мужик, покачиваясь, стоял на ногах – от него пахло спиртным.

– Вы русские? – спросил я парней, внушавших мне больше уважения. Они удивленно переглянулись и, отпрянув, дали понять, что не поняли моего вопроса. С ними все стало ясно – немцы.

– Ты русский? – я развернулся к мужику, который по-бараньи исподлобья глядел на меня. – Нэт! Азербайджанэц!

Мужик не выглядел бандитом. Он пересиливал икоту и ругался, но на его лице застыло выражение интереса, и он явно радовался, что теперь нашелся собутыльник.

Нынче уже давно никого не удивляет русская речь в любых закоулках планеты. Но тогда услышать русский язык считалось редчайшим случаем. Ну что-то вроде как неопознанный летающий объект, принадлежащий внеземной цивилизации в пределах видимости радаров ПВО – это гражданин Советского Союза на Западе. И такая встреча – хороший повод выпить. Иммигрантская волна набрала размах уже позже.

Болтая, мы поднялись по ступенькам. Слушая азербайджанца, меня перестал пугать холод. Вскоре мы зашли в теплый бар. Кухня уже не работала, и последний имеющийся в наличии кусочек торта исчез у меня в желудке. Мой компаньон накатиł рюмки две-три и еле вязал лыко. К счастью, он был не настолько пьян и располагал возможностью самостоятельно передвигаться.

Мне предстояла задача napроситься на ночлег.

– Слушай, а ты из Мюнхена?

– Нэт! Я тют проездом. Я живу в Гамбюргэ.

– А переночевать есть где?

Азербайджанец боролся с собой и с трясущимся хаосом вокруг и пытался понять вопрос. Выдержав паузу, он многозначительно поднял палец вверх и, смотря не его кончик, произнес заветное:

– Есть!

Бар закрылся. После продолжительного поеживания и подпрыгивания на остановке, мы дождались автобуса и поехали по городу. Мужик дремал на сиденье. Снежная мгла не представляла никакой возможности сориентироваться. После шумного бара обстановка за окном снова стала холодной и чужой. Минут через тридцать мы вышли.

– Куда идем, мужик?

– Туда идем.

– Куда туда?

– Тюда. Там мой машин. Я в Мюнхене на машин. Тют брат мой. В машин бюджет спать.

– Слушай, а какая машина-то?

– Мой машин – это фиат. Нэ такой хороший, как этот машин, – он показал на легковушку, припаркованную на обочине бесконечной перламутровой аллеи.

Почувствовав, что трезвеет, азербайджанец снова зашел в открытый бар – единственное светлое пятно в ночи. Там было место паломничества для забулдыг. Они шумели, играли в карты и спорили. Выпив за мое здоровье и дав мне возможность согреться, азербайджанец уплыл в пьяную грусть, а потом мы опять шли. Так идут люди в вечность. Так идет жизнь. Она как бесконечная улица с встречающимся на пути столбами. Их количество зависит от степени опьянения. Иногда наталкиваешься и ведешь им счет. А иногда они могут послужить опорой и дать возможность перевести дух. Наверное, так шли бакинские комиссары на подвиг, вдохновляя моего нового друга. А я показывал на припаркованные автомобили пальцем и спрашивал его:

– Этот?

– Нэт! Нэ такой хареший! – он мотал головой и резко давал крен в сторону. Потянув его на себя, я опять задавал тот же вопрос:

– Этот?

– Нэт. Бюджет-бюджет. Машин бюджет.

Находясь в большом спальном районе с бухим азербайджанцем, морозной ночью и полным незнанием местных нравов и правил, я растерялся. Улица закончилась. Поперек стояла высотка, превращая проезжую часть в тупик. В самом конце стоял автомобиль типа «дом на колесах». В таком можно спать, готовить, смотреть телевизор. Азербайджанец, взбодрившись духом и собрав силы в кулак, рывком бросился к нему. Это был его фиат.

– Слушай. Ключа нэт. Где ключ? Я потэрал ключ. Кошмар! – азербайджанец причитал.

Его пьяные глаза посветлели, и он стал похожим на обиженную курицу.

– Слушай, тют, брат, – он кивнул на высотку. – Я бистро тюда и принэсу дрюгой ключ. Дрюг, жди.

В моем мозгу начала бить тревожная колокольня. Похоже, что «друг» пытается улизнуть, чего я никак не мог допустить. Момент был решающим, и мой дальнейший поступок до сих пор вызывает краску стыда на лице. Мне стыдно за содеянное, как зайцу, на которого обрушивается сова. Понимая, что ему не уйти от цепких когтей хищницы, заяц ложится на спину и отбивается лапами. Хороший удар решает все. Смахнув с носа снежинки, а с глаз – появившуюся слезу, я схватил мужика за грудки.

– Слушай сюда, козел. Иди за ключом к мифическому брату, но я буду ждать тебя ровно три минуты. Если ты не появишься, то место, на котором мы находимся, будет пустовать, так как я уйду, – с этими словами я вырвал из его кармана бумажник.

Азербайджанец не имел возможности отбиваться и смотрел на меня лилейным взглядом. Он моментально протрезвел. За время его отсутствия я взглянул на содержимое кошелька.

Внутри лежали двадцать марок и документы – мда, невелика добыча. Подражание непохмелившемуся гопнику, грабившему беззащитных школьников около Казанского вокзала, не делало мне чести. Прекрасно осознавая злобность поступка, я чувствовал себя так, как будто оскорбление нанесено мне, а не мной. Но именно это, быть может, мотивировало вернуться назад азербайджанца. Он пришел с двумя одеялами в руках. Расположившись внутри фиата на удобных кушетках, мы отрубались.

3

Проснувшись, я сомневался: помнит ли меня вообще этот человек? Теперь он был трезв. Заведя мотор, мы поехали к вокзалу. Здание оказалось огромным. Многочисленные ресторанчики липко цеплялись к книжным магазинам. Все куда-то бежало, спешило и вертелось. Мятно-кислый коктейль из горожан в костюмах с портфелями в руках, смешанный со стайками японских туристов. И с легкой перчинкой смешных немецких бомжей, увешанных значками. В отличие от Эрфурта и Галле, здешний вокзал не молчал. Вкрадчивый шум толпы сменялся острыми объявлениями из громкоговорителя о приходящих и уходящих поездах. Стены пестрели рекламой. Не хватало запаха вагонных пружин, присущего вокзалам, знакомым с детства. Нос щекотала сладковатость конфет и дорогой финской бумаги. Такой же запах имел западный каталог, который бережно хранила моя мама долгие годы в шкафу под замком.

Мой спутник пришел сюда с целью. Ему требовался стакан пива, чтобы унять гнетущую головную боль. Ворча на югославов, занявших все столики в приглянувшейся ему забегаловке, он искал спокойное место, где можно посудачить. Заведение было гибридом «Макдоналдса» и советской пельменной. Наконец-то мы нашли свободный столик.

В отличие от тех, кто участвовал на югославской выставке на ВДНХ и раздавал нам жвачки, сидящие люди больше напоминали медведей. Коричневые лица, коричневые кожаные куртки и коричневая грязь на ботинках выдавали в них рабочих, приехавших на чужбину за длинных рублем, точнее – за длинной немецкой маркой. На Балканах началась война, и в общении между ними чувствовалась напряженность. Почти никто не смеялся, и часто слышалось слово «хрватска». За окнами виднелся большой город со всей присущей ему привокзальной атрибутикой – десятками такси на стоянке, чемоданами, гостиницами и прочей обыденностью.

Азербайджанец с наслаждением слизнул пену с края стакана и изучал меня хитрым взглядом. Благодаря пришедшей к нему вменяемости, у меня появилась возможность рассказать о несуществующей двоюродной бабушке, проживающей в Марселе. Выслушав и ухмыльнувшись, мой новый друг показал незаурядное чутье и проницательность, задав прямой вопрос:

– Слушай. А почему ты убежал из армии?

Не знаю, как он догадался. Наверное, я проговорился во сне. Мою попытку показать студенческий билет он проигнорировал типичным кавказским пшиканьем. Опустошив стакан крупными глотками и заказав новый, он продолжил:

– Слушай. Я нэ знаю, чито ти мне скажешь. Но я дам тэбэ совет.

Его история такова. Когда-то очень давно, еще в брежневские времена, из Ленинграда готовилось к отправлению грузовое судно. Контейнеровоз загружали, а пограничники с таможенниками проверяли пломбы и наличие документов на товары. Матросы важно разгуливали по корме и уже махали на прощанье руками. Корабль готовился к отплытию в страны, где все совсем по-другому и лишь соловьи кричат точно так же. Досмотр заканчивался, и экипаж был предоставлен самому себе. Перед поднятием якорей на трап вошел человек южной внешности. Зайдя на борт, ножом распорол брезент, обтягивающий шлюпку. Сидя в ней, он доплыл до Гамбурга.

– Слушай. Нэ пюдри мне мозг. Я нэ дурак!

Это было и так уже понятно, но я сопротивлялся.

– Да студент, я! Студент!

Слегка захмелевший азербайджанец громко рассмеялся. Я не учел, что сижу напротив взрослого человека, имеющего опыт бегства, знающего страну и ее население.

– Мама бюджет мозг пюдрить.

Его голос стал тише и приобрел некоторую таинственность. Несмотря на мои протест и попытку его перебить, он настойчиво продолжал.

– Стюдэнт. Гизинг есть. Мюнхенский район – Гизинг. Там большой военный база. Автоматчики стоят там. У них адэжда дрюгой. Амэриканский адэжда.

В мюнхенском районе Гизинг находилась самая большая американская военная база за пределами США. Американские жилые дома, школы, больницы, зубные врачи группировались вокруг воинской части, образуя город в городе.

– Слюшай. В развэдка ходы. Мэдлэнно гавари. Врэмя тяни.

– Да мне, вообще-то, в Марсель надо.

– Там гавари. Им про бабушка гавари. Завтра ходы. Они помогут тэбэ.

Он опустошил еще один бокал пива. Потом, приподнявшись, сказал, что ему в туалет.

Я расстался с ним под часами в центральном зале. В те годы там находился киоск с бакалеей, облюбованный бухариками. Азербайджанец кратко сказал, что ему нужно отлучиться на пятнадцать минут из-за какой-то встречи.

Секундная стрелка вращалась по кругу. Сначала вокруг циферблата, так как ей это полагалась. Потом вокруг киоска, сшибая кепки с прохожих. Потом она размашисто летела по залу, мимо билетной кассы и вылетая на привокзальную площадь, смеялась над моей курткой и кипятильником в сумочке. Она делала круги над городом и крышами старинных церквей, а за ней летели минуты. Я ждал его два часа, но он не вернулся. Постепенно до меня дошло, что дальнейшее пребывание лишь вредит моим коленям. Ну а по эскалатору спускались и поднимались люди. Наверное, там метро. Пора идти. Пересилив себя, я ступил на металлическую ступеньку и поехал вниз.

8. Панки

1

Под землей атмосфера резко изменилась. Глаза пилил свет ртутных ламп, и в бескомпромиссном кафельном зале людской поток делился на альфу, гамму и дельту. По левой стороне, около небольшого привинченного к стене столика с лежащими на нем телефонными книгами, стоял панк. Одежда панков никогда не отличалась особой фантазией: булавки, серьги, рваные узкие джинсы, боты на шнурках и кожанка. Единственная разница между ними лишь в степени немытости и прическе. Этот неформал был высокого роста с зачесанным на бок оранжевым ирокезом. В общем, мой человек.

Панки – существа особые. Движение, возникшее на лондонских окраинах как протест против богатеньких Буратино и исповедующее индустриальный пофигизм, в течение десятилетий переросло в генетический дефект. Меня тянуло к таким людям с того момента, когда подающий светлые надежды Юра Перегуд однажды вышел из подъезда моего дома с полуметровым гребнем на голове и босиком. В таком виде он протопал мимо детской площадки с возмущенно воркующими на ней соседками: «Ой, а что это он?!»

Шла первая половина восьмидесятых. Подобный вид считался нарушением общественных устоев и никаким образом не соответствовал ленинскому восприятию жизни. После долгого кочевья по психушкам, исправительным учреждениям, рок-группам и вытрезвителям Юра вошел в историю Москвы под кличкой Сруль. Он – воплощение советского нонконформизма в самой перверзной форме и человек, своим поведением внесший немалый вклад в развал Союза.

Судьба Юры трагична. Он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна, не захотев отдаться в руки пришедшим за ним ментам. Я помню его типично еврейскую манеру выговаривать «р», лицо в шрамах, и мы, пионеры-троечники, гордились им. Про него до сих пор рассказывают истории и легенды.

Панк около телефонных книг был трезв, добродушен и проявил интерес к моей личности. Не сомневаюсь, что это вызвано грязью, свисающей с меня сталактитами.

– Хэй. Ю? Ванна смок? – он спрашивал меня, хочу ли я покурить. А я тогда не травил себя никотином. Мне в голову не пришло, что его предложение имело мало общего с курением обыкновенной сигареты. Конечно, речь шла о наркотиках. О чем еще может идти речь у панков?

– Ноу. Сэнкс.

Междометия и отдельные слова переросли во фразы. Через некоторое время мы с интересом болтали. Его звали Торстэн. Прибыл парень из Гамбурга несколько часов назад и занимался попрошайничеством. Пояснив, что место нехорошее и полиция тут как дома, он потащил меня за рукав куртки на платформу метро.

В вагоне людское броуновское движение застыло. Покачивался поезд метро, и в такт с ним покачивались немцы. Покачивался Торстэн, и покачивался я. Напротив нас около дверей покачивалась безразличная физиономия барыги по имени Томас. Подмигнув, он подошел к нам и достал из кармана пакетик со светло-зеленым товаром – марихуаной. Панк излучил ультрафиолетовую радость в предвкушении томно-веселого состояния. Побренчав в сумке мелочью и отсчитав деньги, он включил Томаса в наш коллектив.

Теперь мы ехали втроем и, как я догадывался, искали укромное местечко, где мои замечательные друзья смогли бы предаться пороку. Одна из станций показалась подходящей для такого занятия. В мюнхенском метро некоторые платформы значительно длиннее поезда. Во время остановки остаются многометровые пролеты с одной или с обеих сторон состава.

Часто лестницы и эскалаторы расположены так, что за ними легко спрятаться. С видом ответственного бухгалтера Томас мастерски забил косяк, и вскоре наша троица сидела в клубах бархатного дыма, щекочащего кожу. Не имея представления о последствиях курения, я отказывался от предложенных затяжек. Поэтому братская любовь к мышам, перебегающим через рельсы, ко мне не пришла. Панк и барыга хихикали, показывая на них пальцами, а докурив, взяли меня под руки и снова поволокли на центральный вокзал.

На выходе подвалила другая троица: два паренька-панкуши и с ними длинноволосая девушка. Этакая сопровождалка-симпатия с худенькими ногами, считающая Сид Вишеса эталоном благочестия, с нездоровым огоньком в глазах, готовая к любой ереси и оппортунизму. От московских панков они отличались меньшим количеством прыщей. Один был ну прям настоящий интеллигент. Ему бы в МГУ учиться, с дипломатом на лекции по биохимии ходить, а тут такой зеленый гребешок. Мне, конечно, все это нравилось. Вокруг разыгрывались события, явно играющие на руку. Еще несколько дней назад, одетый в шинель, я и мечтать не мог о таком радостно прыгающем вокруг обществе лягушек.

Узнав, что я русский, интеллигент подчеркнуто поправил помятые очки. В его манерных телодвижениях чувствовалась родительская дрессировка, которую еще не вышиб уличный быт.
– Айн момэнт.

Повернув голову боком, он пальцем показал на свое ухо – там блестела тяжелая серьга. Это был используемый не по назначению, такой родной и знакомый, металлический советский рубль с изображением Ильича.

2

Как ручеек, гуськом мы потопали по узким тротуарам в переплетении переулков, колоколен и площадей. Мимо исписанных граффити фундаментов, где брусчатка сменяла асфальт, а асфальт сменял посыпанный песком лед. Названия приобрели французский акцент: Орлеанская площадь, улицы Парижская, Эльзасская и так далее. В процессе общения, нахватавшись слов, начинаешь понимать простые надписи. Потом, смотря на жестикуляцию собеседников, впитываешь значение сказанного. Немецкая болтовня все меньше воспринималась как каша, и мой слух отчетливо улавливал слово «Инфоладен» – интеллигент-очкарик употреблял его с назойливой частотой заевшей пластинки.

Наша компания остановилась около деревянных дверей в большой старинный дом. На звонок замок отреагировал дребезжанием и щелкнул. Оставив припаркованные велосипеды жильцов за спиной, мы спустились в подвал. Внизу, за следующей массивной дверью разместилось несколько просторных помещений с названием «Инфоладен».

Неформальные течения, несмотря на видимость анархии и хаотичность, имеют организационные структуры. Многотысячным толпам, выходящим на «дни хаоса» в Ганновере и Берлине, блокирующим транспортировку радиоактивных отходов, и любому другому массовому хулиганству требуется управление. Здесь осуществляется печать листовок, организуется транспорт на протестные акции, продаются билеты на концерты рок-групп радикальной направленности. Это царство крайне левых, бреющих виски и верящих в победу анархии. Не каждый немец, ежедневно покупающий хлеб в булочной напротив, осведомлен о существовании подобной структуры. Я попал в ее мюнхенской филиал, расположенный во французском квартале – милом, прекрасном, тихом месте, живущем без туристов и вдали от лоска бутиков.

Беспощадный бой ударных инструментов за стеной, ребятишки в драных косухах, сидящие на табуретках вокруг столов, и чернильная полутьма делали все еще более привлекательным. Но главным действующим лицом в натюрморте были свежие багеты и холодильник с продуктами. Абсолютно бесплатно!

Застенчиво я намазывал масло и резал пармезан, ловя одобрительный взгляд Торстэна. Устроившись на размашистом диване поближе к барыге, он не ел, опасаясь ослабления дурманящего эффекта марихуаны.

– Русский, их бин капут!

Глаза Торстэна задорно поблескивали, меняя цвет в зависимости от угла к цветомузыке. А барыга уже слетел с копыт. Он сладко дремал, сжимая в зубах окурочок. Торстэн признался ему, что любит его и, свернувшись калачиком рядом, тоже уснул.

Все панки знали английский язык, что облегчило знакомство. Заплата на измызганных джинсах выдавала во мне принадлежность к классу страждущих и обездоленных. Конечно, на голове не было гребня, а на куртке – значка с буквой «А», символом анархии, но толпа демонстрировала солидарность.

Борьба за равенство и братство знакома мне с детства. Моя политическая карьера началась еще в школе, когда я подписал коллективное письмо к правительству Южно-Африканской Республики с требованием немедленно освободить Нельсона Манделу. А подпольщики-революционеры? Стар и млад в СССР знает их нелегкую долюшку в застенках царской охраны, муках, страданиях и неистребимой человечности.

Сидя за барной стойкой в окружении интеллигента-очкарика и его приспешников, я почувствовал, что пришел нужный момент, и поинтересовался возможностью ночлега в этом заведении. Панки задумались.

– Но. Итс нот POSSIBL, бикоз полис.

«Инфоладен» контролировался полицией. Мне дали понять, что в любой момент могут появиться карательные органы и начать обыск помещения. О немецких властях в этом месте говорилось с презрением и почти ненавистью. Я повторил просьбу и добавил:

– Ай ам э дезертир.

Вся публика обернулась на меня. Даже сидевшая в отдалении влюбленная парочка прервала разговор. Торстэн, заворочавшись на диване, приоткрыл один глаз, и в моем направлении потянулись руки, сжатые в кулак, с большим оттопыренным пальцем вверх.

Перебивая друг друга, панки успокоили меня тем, что на улице не оставят и позвонят человеку по имени Рольф.

– Рольф! Рольф! Рольф!!! – неслось их кудахтанье по «Инфоладену».

Мне льстила такая забота, а им – возможность поддержать человека в пути. Ведь одно из призваний панка – взаимопомощь. Напряжение внутри меня переместилось из области груди к животу и растворилось там, как сахар в чайном стакане.

Рольф появился через час. Угрюмый, кудрявый и, наверное, очень умный. Навскидку ему было уже за тридцатник. Открыв бутылку пива, он смутил меня своим молчанием. Так молчат непризнанные гении, у которых куча нерешенных проблем.

В помещение вошла Дора, покачивая стены подвала. Широкоплечая двухметровая мадам с черными волосами до пояса, она командовала этим заведением. «Коня на скаку остановит, в горящую избу зайдет» – это не про нее. Такие не останавливают коней. Их удел – бегемоты. А в избу Дора не поместилась бы. Проглотив бокал пива, она повернулась ко мне с вопросительным выражением лица. Наконец-то у меня возникла возможность поведать о похождениях, и тогда я начал сбивчивый рассказ. Моего английского не хватало, чтобы передать ощущения, эмоции, рассказать ей о причинах действий и точно описать свой маршрут. Но чем дольше я говорил, тем меньше вопросов она задавала. Она слушала меня взахлеб, опершись подбородком о руку, поставленную на стол. Позже к нам подсел Штефан – незаметный, сутулый, тихий, как Рольф, и по совместительству парень Доры.

Барыга и Торстэн ушли незаметно, не попрощавшись. Они отлично сыграли свою роль, появившись в нужное время и именно там, где ожидалось. «Инфоладен» был пуст, когда мы поднялись из-за стола. Это прекрасно – идти морозной ночью по улице и знать, что сегодня

тебя точно ждет теплая кровать. На углу Парижской площади Рольф стал прощаться. Я хотел рыпнуться за ним, но Дора, взяв меня за руку, произнесла:

– Стоп. Комм.

– Ахх. Хорошо.

Контуры зданий расплывались в зимнем тумане, а я больше не видел себя нелепым. Мне нравилась Лотрингерштрассе – Лотрингская улица и квартира, куда мы пришли.

3

Это была трешка с окнами в небольшой внутренний дворик. В длинном коридоре стояли шкафы с книжками и иной всячиной вроде утюга.

Рассматривая плакаты на стенах с изображенной губастой женщиной, я понял, что здесь почитают творчество Нины Хаген – немецкой певицы, известной своими закидонами во всем мире. Нина Хаген – богиня анархизма, феминизма, буддизма, шизофрении и всяких других политических течений и заболеваний. Ее плакаты на стене – добрый знак, говорящий об открытости обитателей квартиры ко всему нетрадиционному.

Дора и Штефан удалились в опочивальню, а я познакомился с новым обитателем моего убежища. Его звали Курт. С крашеными волосами, серьгой в ухе и странным прикусом зубов – такой бывает только у уроженцев Кельна. Курт шабашничал на стройках Германии. Предполагаю, что лет десять назад он принадлежал к молодежной тусовке, аналогичной той, которая меня принимала в «Инфоладене». Но годы делают свое дело, интересы меняются, и протест переходит в желание переехать в Колумбию – об этом Курт тарыхтел беспрестанно. В Мюнхене он находился временно и жил в боковой комнате. Его искренне рассмешило мое неумение пользоваться ванной. Ох уж эти крантики. Их надо тянуть вверх и вбок. Я разделся и, сидя в пенной теплой воде, стирал носки, размышляя о чугунной убогости московского трубопровода и странной сантехнике.

Следующим утром вчетвером мы сидели на кухне. Выбрав себе место около отопительной батареи, я копил тепло. Бутерброд уменьшался, приближая минуту прощания. Голуби вызвали жалость во мне. Зимой их не спасает полет, и, переохладившись, они падают с неба. Но, сидя на кухне и рассматривая серых птиц на балконе, увитом плющом, я видел ожившую красивую поздравительную открытку. Сделав последний глоток, поднялся, надел кроссовки, куртку и потянулся к дверной ручке, чтобы уйти.

Нет, это не камень давит на сердце. Это огромный булыжник, поросший мхом и плесенью. Орошенный дождями, грустью и страхом перед неизбежностью. На этом булыжнике чья-то злая рука выбила грубый крест. Их в древности ставили на могилы. Они сводят с ума, превращая людей в бледные привидения, заставляют сожалеть о прожитых днях и сомневаться в себе. Есть силы, способные очищать лучше святой воды, и одна из таких сил – это искренность. Слышите стук? Так падает булыжник с сердца. Его сбила искренность, на которую я рискнул в «Инфоладене».

Дверь уже открыта, одна нога за порогом. В эту секунду я услышал оклик из кухни. Наверное, это самое главное, что я слышал в жизни. Эти несколько слов поменяли краски вокруг меня, формы изменили очертания, и жизнь приобрела совершенно новый смысл. Эти слова гулким эхом звучали во мне, вызывая дрожь победившей надежды. И не хочу их похабить своим корявым английским произношением.

– Эй! Подожди. Останься. Мы решили тебе помочь! Штефан сейчас будет звонить в Толстовский фонд.

Кто-то становится иммигрантом, ступив с трапа самолета в аэропорту Бен Гурион, а кому-то ставит въездной штемпель американский полисмэн. Каждый иммигрант имеет свою точку отсчета. Зимним утром, когда я стоял у дверей и собирался уйти, чтобы окунуться в дру-

гие города и автобаны, упала последняя песчинка в таинственных песочных часах. Отрывая руку от дверной ручки, как в киноленте, пущенной в обратном направлении, я неосознанно перевернул эти песочные часы. Отсчет начался снова. Он идет до сих пор уже под новым названием – иммиграция.

9. Двери в азиюль

1

Благотворительные организации, как жемчуг, рассыпаны по земле. Говорят, что некая Агнес Гонджа Бояджиу лечила прокаженных. Если в какой-то точке земного шара вспыхивала эпидемия, война, цунами, горел лес или засуха превращалась в смерть, Агнес Гонджа Бояджиу была тут как тут. Она кормила страждущих и давала приют любой казанской сироте. В Индии до сих пор помнят вкус ее пирожков и бубликов. Их количество настолько велико, что улыбчивую старушку в белых одеждах наградили Нобелевской премией мира. Мы, обыватели, знаем ее как блаженную Мать Терезу.

Или, скажем, взять благотворительность службы «Каритас». В Мюнхене расположены три отделения. Приходишь туда – там чаем напоят, по голове погладят и пустят слезу сострадания. Из огромной кучи подержанных шмоток достанут вполне пристойную кожанку, подарят и отпустят со словами «приходите почаще», как будто намекая, что общество оттолкнуло тебя, и теперь ты надолго изгой. Каждый бездомный немецкий алкаш любит «Каритас» за непредвзятое отношение к лохматой бороде и хроническому архиалкоголизму. А если придет гражданин Афганистана и, впадая в задумчивую сентиментальность, случайно обронит тихое «я соскучился по Родине», то ему посодействуют в его скорейшем вылете в Кабул. Он даже оглянуться не успеет, как счастливый и слегка ошарашенный сойдет с трапа самолета в стране падишахов и визирей.

Для бывших подданных Советского Союза, попавших в неприятности за рубежом, создан Толстовский фонд. Когда-то, очень давно, он поддерживал беженцев, спасающихся от сталинского гнева и возмездия Наркомата внутренних дел. После Великой Отечественной войны Запад имел договоренность с Советским Союзом о выдаче так называемых перемещенных лиц. Этот засекреченный договор с союзниками вывел на чистую воду именно Толстовский фонд. Людей перестали высылать. Список спасенных от депортации в СССР исчисляется десятками тысяч. В их числе советские военнопленные, казаки из армии Колчака, власовцы, перебежчики и невозвращенцы.

Однако Сталин умер, президент фонда состарился, а папки с людскими судьбами были сданы в архивы и макулатуру. К моменту моего появления фонд уже давно превратился в странный закрытый клуб. Он существовал непонятно зачем, кичился былой славой и напоминал этакий богемно-пыльный ностальгический монумент великим свершениям прошлого. Ну, а если говорить без пылости – он как поломанные лыжи на антресолях, которыми не станут больше пользоваться, а выбросить жалко. И пельменями в Толстовском фонде не накормят.

На следующий день после телефонного звонка Штефан привел меня туда. В пеналообразном кабинете сидела вальяжная напомаженная примадонна лет сорока. Стол сгибался под грудой книжек и авторучек. Примадонне не хватало аристократического веера в руках. У такой обязательно должен быть поклонник – нежный юноша с бабочкой и в штиблетах-лодочках. Разговаривала она по-русски. Мой мятежный дух сбавил обороты от ее глубокого грудного голоса.

Это был не вопрос, а мелодичная строфа из оперной арии.

– Садитесь. Ваш друг рассказал мне о вас. Чем могу быть полезна?

Штефан покосился на меня. Хотелось вскочить со стула, встать перед ней на одно колено и, сняв несуществующий цилиндр, протянуть букет гладиолусов.

– Да-да. Я знаю, что у нас беда, – пропела примадонна, закатив зрачки. – А я не знаю, что могу сказать.

Взмахнув рукой, как дирижер, она включила аккомпанемент, нервно барабанила длинными ногтями по столу.

– Покажите документы, принесенные с собой.

Моим главным козырем был военный билет. Я вытащил его из кармана и осторожно вручил собеседнице. Ария ускорила:

– Ах, какая ерунда. Спасибо вам, что вы пришли. Но адрес дали вам не тот.

Разглядывая мою фотографию в военном билете, она перевернула несколько страниц и, выпрямив спину, покашляла. Теперь в ее голосе звучала строгость подполковника.

– Мне нужно позвонить в американское посольство.

Покрутив телефонный диск, дива говорила на немецком уже без использования музыки. Ее лицо стало серьезным. Однако по окончании телефонного разговора я и Штефан вновь насладились тональностью до мажор для бабочки.

– Для вас назначила я встречу. Вам надо завтра быть вот тут. Американский консулат. Вас в десять вечера в нем ждут.

2

На следующий вечер, уже в наступившей темноте, я шел к американцам. Началась оттепель. Падали капли дождя. Вокруг архитектура и исторические памятники – хрустальные дворцы в свете уличных фонарей. Скоро весна заиграет торжественный марш. Дождь бывает слезами, бывает как из ведра, а бывает дождь, приносящий мечты. Ради них зонт лучше убрать, дать каплям упасть на лицо и отдаться шершавости ветра. Именно за поэзию зимних дождей я начал любить этот город. Тем более что зонта у меня не было.

За стальным частоколом, увешанным видеокамерами, располагалась аквариумоподобная постройка. Ровно в десять часов вечера я нажал на кнопку рядом с контрольно-пропускным пунктом под изображением белоглавой хищной птицы. Дверь открыл солдат в кепке. Это было мое первое столкновение лицом к лицу с потенциальным противником. В армии меня обучали к борьбе именно с такими экземплярами. Представилась схватка между сержантом Зливко, заместителем командира нашего взвода, экскаваторщика по образованию, и этим человеком.

Конечно, среднестатистическому Зливко было бы нелегко выдержать тяжелые кулаки профессионала. А кирзовый сапог, на первый взгляд, не имел шансов против прыжковых ботинок. Зливко был на голову ниже, в плечах уже, а пропорции не соответствовали стандартам человеческого тела, приведенным на иллюстрациях в медицинской энциклопедии. Но он одержал бы победу. Потому что солдат, открывший мне дверь, улыбался широкой белозубой улыбкой. Я такую в жизни не видел. К тому же он имел черный цвет кожи. Его телодвижения излучали адекватность, вежливость и уважение к стоящему перед ним оборванцу. Аксиома гласит: в битве между улыбкой и экскаватором всегда побеждает экскаватор. Американский солдат не мог похвастать притаившейся волчьей злобой, а Зливко просто распирало от ядовитой интоксикации. Поэтому я уверен, что улыбающийся американец очень быстро погибнет от внезапного удара бревном по голове, нанесенного с ужасающей предательской силой. А не будет бревна, то Зливко клыками загрызет. Сделано это будет с целью спасения Отечества и ради того, чтобы ночью, греясь в ротной сушилке, по-залихватски сказать слушателям: «Не зря я котлованы копал!»

После досмотра моих карманов меня пропустили в здание консулата. По лестнице спустились двое служащих, владеющих русским языком настолько хорошо, что у меня возникло подозрение: не из Прибалтики ли они? По мере разговора официозность перестала пугать, а предложенный кофе окончательно разрядил обстановку. Беседа продолжалась долго, за окном кончился дождь, вышла луна, а напротив меня крутился включенный диктофон.

Невозможно дать отчет о последствиях, когда заполняешь черную пустоту созвездиями слов, сказанных в наивной вере в добро. Ведь всех предавали однажды. Кто бы мог подумать, что через много лет, когда длина дороги за спиной сжирала последние силы, то свет той серебряной луны вновь осветил небо и улицы, а мой собственный голос с состарившейся пленки из диктофона расставил все по нужным местам.

Посещение консульства завершилось листком бумаги с адресом:

– Вас будут там ожидать.

– Где «там»?

– Идите и увидите. Там занимаются именно такими людьми, как вы.

Единственным документом, удостоверяющим личность, служил военный билет. Исключительно важной была срочная легализация подвешенного положения.

Долгосрочное пребывание без удовлетворительных папирусов на территории Германии не рекомендуется смертным. Дыхательная анатомия немецкого полицейского устроена таким образом, что он чувствует нелегала, как кот валерьянку. Поймав несчастного, полицейский бесстрашен. Он выполняет свой долг перед страной и Конституцией. Его отличает исключительная мотивированность при раскрытии всевозможных преступлений, и случай в Эрфурте, когда мне довелось быть отпущенным на все четыре стороны из цепких коготков, мог не повториться.

Поэтому я направился в место, где интересовались «именно такими людьми как» беглые солдаты. Азербайджанец, предоставивший возможность переночевать в фиате, упоминал про Гизинг. Мой путь вел к казармам МэкГроу – огромным зданиям песочного цвета, удачно гармонирующих с железобетонной стеной Штадельхаймской тюрьмы, расположенной на той же улице. Почти напротив тюремного входа стоит жилой дом – отдаленное подобие хрущевки элитного типа. Такие строят как социальное жилье для бездельников и многодетных разведенок. Мне нужно в первый подъезд. Пробежав глазами по списку фамилий около звонков, я выбрал указанную в записке.

– Спасибо, что пришли. Меня зовут Ара, – человек здоровался с таким же прибалтийским выговором, как люди в консульстве. – Мы вас уже ждем.

– Неужели вам сообщили?

– Да. Ну садитесь, рассказывайте.

На стене висела политическая карта Советского Союза. Похожая карта имеется в кабинете истории любой школы, только вот на этой все надписи английские. Квартира служила офисом, а единственным клиентом молчаливого персонала был я.

Покидая помещение, моя рука сжимала сложенный лист бумаги с прикрепленной к нему фотографией – первая немецкая ксива. Зайдя в итальянский ресторан и отобедав пиццей на выданные Арой пятьдесят марок, я, довольный, отправился на Лотрингскую улицу. Солнце светило изо всех сил, и, прячась в тени тюремной стены, думалось: «Ухх. Пронесло!» Пицца была жутко соленая из-за крохотных селедочек. С тех пор я очень люблю итальянскую кухню и практически всегда заказываю пиццу под названием «Наполи» – так называлась та, которую попробовал в крохотной пиццерии с видом на забор Штадельхайма.

А вечером, если на сцене Rostok Vampires, то трансильванский лес становится ближе. Рок-н-ролл для детей чердаков и подвалов мочил по ушам и душам с мощью кувалды. Под рев гитары корчились панки. Для них этот клуб не место послушать и станцевать, а молитва языческим богам, пьющим кровь из черепов своих врагов. В черном зале бьют молнии, идет белый дым. После выступления мы сидели в закулисье, музыканты пили пиво, а я смотрел на счастливое лицо Доры – она организатор концерта. Читая надписи на пивных бутылках, я начал учить немецкий. Независимо от того, как ко мне обращались, смотрел на заморскую этикетку и читал произвольную фразу. Народ смеялся, и меня хлопали по плечу. Хотелось, чтобы пьяный праздник длился вечно. Но наступило похмелье.

3

Ровно пятьсот метров от выхода метро «Унтерсбергштрассе» до Федерального ведомства по признанию иностранных беженцев. Многочисленные человеческие табуны прошли за несколько лет по небольшой тенистой аллее к семиэтажной коробке из серого камня. Мимо детских велосипедов, стоящих рядами машин и небольшого магазинчика, торгующего спиртным. Чем ближе к ведомству, тем больше полиэтиленовых пакетов, пустых бутылок и смятых пачек сигарет. На подходе пожухлая трава и асфальт покрыты пестрым ковром из мусора. Из окон здания свисали мокрые полотенца и стиранные джинсы – вид типичный для Румынии, но уж никак не для Мюнхена. Около стеклянного входа галдела чернокожая толпа. Нелегально приплывшие на плотках, лодках, дошедшие пешком из Зимбабве, Анголы, Нигерии рядом с небольшим киоском сразу за дверью превращались в жителей Европы. Волшебником был молодой и очень раздраженный полицейский, записывающий имя прибывшего в тетрадку.

Предъявив ксиву, выданную американцами, волшебник сверил фотографию с моим лицом и пропустил через пуленепробиваемые стеклянные двери. Первое, что я услышал, – это собачий лай. Немецкая полиция сдерживала напор толпы, а лай издавала оскаленная овчарка, рвущаяся с поводка. Иммигранты всех цветов и размеров штурмовали Германию. Обилие племенных африканских одеяний и дикий ор напоминали народное восстание в Лусаке. Смысл первого наплыва заключался в том, чтобы взять талончик в очередь на так называемое «интервью», где прибывшую публику опрашивали о гонениях и политических преследованиях на родине.

Федеральное ведомство по признанию иностранных беженцев было величественным храмом вранья и фантазмагории. О чем ввали африканцы, поведать не могу. А вот двое моих знакомых по кличкам Дюдя и Леша-парикмахер ввали о спрятанных ими костях царя Николая Второго. Стирая пот со лба, немецкий бюрократ не успевал записывать их долгий жалобный рассказ о том, как любимая бабушка предоставила погреб в Ялте для хранения останков государя-императора. Из-за подлого предательства тайна костей раскрылась. Дюдя и Леша подверглись гонениям, угрозам и репрессиям. Поэтому им пришлось спешно бросить любимый город на Черном море. Появившийся позже Иеромонах – так все звали человека, который по роду занятий на самом деле являлся иеромонахом и страшно бухал – привез доказательство спасения костей и соответствующего уголовного преследования. Он купил необходимые справки в ялтинской прокуратуре, состряпав этим свое право на вечную жизнь в ФРГ, и заодно помог товарищам. Через несколько лет они получили «синие паспорта» признанных беженцев, делающие обладателей полноценными жителями страны. При этом ребятишкам надо было только сказать, что они гомосексуалисты, и после прохождения специальных психологических тестов им позволили бы свершать пожизненные возлияния в мюнхенских кабаках без сложной суеты вокруг костей.

Вырвав талончик с заветным номером, придерживаясь фарватера, ноги повели меня к очереди, вьющейся через несколько этажей. Здесь народ был более обмякший. Зоркие глаза полицейских следили за порядком. Тех, кто не выдохся и пытался затеять разборку, полиция бесцеремонно дубасила. Тогда я понял, почему многие из них носили черные перчатки с обрезанными пальцами – это чтобы не болел кулак после ударов в челюсть, а заодно и подобие кастета.

Прогуливаясь по мирному городу, сложно представить подобное, но с беженцами особо не церемонились, уподобляя их блеющим овцам. Даже полицейская одежда была здесь другая – берет и армейские штаны вместо фуражки и форменных брюк. Через несколько часов уже около дверей, где происходило интервью, напряженная очередь опять напирала с силой тяжелоатлета.

– Энималс!!! Энималс!!! – орала полиция, создав стену из собственных тел, чтобы не допустить отчаянный прорыв в таинство человеческого вранья.

Слово «азюль» – убежище... носило двоякий смысл на Унтерсбергштрассе. Двери в азюль – это двери в иммигрантский бардак. А азюль – клеймо, отмыть которое исключительно сложно. Наконец-то пришло мое время, и меня впустили в совершенно пустой полутемный коридор с дверями по обе стороны. Крики снаружи стихли.

За спиной заглохли неистовствующие африканцы, сходящие с ума румыны, граждане Балкан и прочие нежелательные элементы. Тонкий лучик света, оставленный щелью между косяком и одной из дверей, помог сориентироваться и выбрать нужную бюрократическую контору. Напротив сидел толстяк с багровой физиономией и женщина, напоминающая Надежду Константиновну Крупскую в добрачный период.

– Здравствуйте, я переводчица, – женщина указала мне на стул и отвернулась к компьютеру.

Шокированный тишиной после кипящей толпы, растерянно улыбаясь, я уселся напротив этой парочки. Толстяк выглядел помятым после многочисленных интервью с людьми из горячих и холодных точек планеты. С отрешенным видом он хрустнул стопкой формуляров, выложив их на стол, и знаком предложил переводчице начинать процедуру.

Записали мои личные данные. Переглянувшись, чиновники поставили прочерк в графе «гражданство», так как СССР кривлялся в заключительной фазе клоунады, затрудняя определение статуса. При каждом ответе толстяк морщился, как будто его пытали иголкой недоверия. Переводчица тоже подозрительно косилась, но исправно занималась работой, спрашивая меня по-русски, и тарабанила по клавиатуре, фиксируя сказанное.

– Какого числа вы пересекли границу Германии?

Я не помнил этого. В голове смешались даты и люди. Хотелось, чтобы все закончилось сейчас же. Встать со стула, пожать плечами, покинуть противный лабиринт на Унтерсбергштрассе и начать новую жизнь. Хотелось на рок-концерт, в университет, домой. Куда угодно, но лишь бы подальше отсюда.

– Пару недель назад.

– Через какие страны вы прибыли на территорию страны?

– Польша.

– Вы уверены в этом?

– Да.

– Расскажите нам о причинах вашего приезда.

Поправляя очки и слюняво перелистывая страницу формуляра, толстяк замученно посмотрел сквозь меня на плывущие за окном облака. Выслушав за сегодняшний день тонны вранья из уст людей, прибывающих густым потоком, он с каждым моим словом принимал все более погребальный вид. Тикают часы на стене, стучат пальцы переводчицы по клавишам – и так каждый день. Монотонно и скучно зевая, государственные головоногие подготавливают почву для скорейшей высылки подопечных. Система азюля устроена как мельница, перемалывающая рассказанные истории. Вращается жернов, и по краям сыплется мука – сотни тысяч людей, приехавших попытать счастье, в итоге получают письмо с требованием покинуть страну. Остаться в игре трудно, почти всегда невозможно. Ну, а мне врать нечего, и я рассказал историю, случившуюся в Москве и ставшую причиной побега. Ее размер не превышает печатной страницы, а в сокращенной форме все помещается в один абзац.

Будучи в отпуске, я попал в больницу – мне вырезали аппендицит. Но не медики проделывают отпуск солдату на время болезни. Такое дело доверено некоему майору Харитонову, заседающему в военной поликлинике на станции метро «Авиамоторная». Майор прочитает, поймет, простит и заверит – или нет, в зависимости от настроения супруги и погодных условий. Погода стояла пасмурная, супруга недовольная, и поэтому, несмотря на честно вырезан-

ный аппендицит и возникшее осложнение после операции, Харитонов стойко не реагировал на мои многочисленные мольбы. После очередного приезда в военную поликлинику он вырвал из моих рук заключение врача и выданные в двадцатой больнице справки. Спрятав их в столе, зловеще произнес: «Рядовой, ты будешь сидеть!» После жалобы на майора в Комендатуру и Министерство обороны уже несколько военных организаций обвиняли меня в преступлении, которого я не совершал. Посыпались угрозы судом. Невозвращение из отпуска каралось в армии долгими годами дисциплинарного батальона. Про остров Сахалин и солдат в тяжелых ботинках, десятками часов монотонно марширующих на плацу, ходили печальные слухи. При любом раскладе майор оставался в шоколаде, а о подобном мне даже в «Московском комсомольце» читать не доводилось.

– Вас избивали в армии?

Ответить мешала гордость. В глазах переводчицы заблестело нездоровое любопытство, а толстяк переместил взгляд с облачного неба на стоявший у стены книжный шкаф с пузатыми папками. Решив быть честным до конца, я медленно выдавил из себя:

– Да, бывало.

Поставив резвую галочку в формуляре, они назвали номер следующего кабинета, куда мне предстояло идти, и попрощались.

В вестибюле оргия продолжалась. Пришлось протискиваться сквозь толпу. Работая локтями и наваливаясь тяжестью тела на возмущенный интернационал, я прорвался к лестнице. На втором этаже располагалось подобие кассы в кинотеатр. Душераздирающая африканская ругань и злые окрики полицейских сменились на гортанный шепот. В «кассе» решали, в какой регион Баварии отправить беженца. Несколько минут седовласый дедушка за стеклом клацал вставными зубами, потом доставал географическую карту и показывал город, где клиент обязан поселиться на время решения его участи во всевозможных инстанциях. Меня распределили в Розенхайм – небольшой городок в альпийском предгорье по дороге на Зальцбург.

4

– Эй, парень! Русский, что ли?

Я оборачиваюсь, и передо мной стоят двое – судя по виду, отец и его великовозрастный сынуля.

– Ага. Привет. А вы откуда?

– А мы киевские. Пошли к нам.

Унтерсбергштрассе – это не только место решения организационных вопросов, но и общежитие. Освещенные неоновыми трубками, в коридорах бегали голозадые дети, не отбрасывающие теней. Пахло апельсиновой кожурой и прелым запахом стираной одежды. Миниатюрный Вавилон никогда не спал, являясь одновременно сомалийской деревней, цыганским табором и югославским микрорайоном. На крепких дверях служебных помещений висели массивные замки, а странно выглядящие многочисленные пустые бутылки в уборной напоминали о дефиците туалетной бумаги в странах третьего мира. Полиция регулярно устраивала облавы, так как общежитие служило местом активной торговой деятельности наркоторговцев и магазинных воров.

Всего две комнаты были отданы бывшим советским гражданам. Встреченные мной украинцы делили быт с Юрием Васильевичем – высоким белобородым стариком и замечательным русским поэтом. На верхней койке спал человек, впоследствии получивший прозвище Баба-Петя за свой депрессивный возраст и голубые наклонности. По соседству проживали шестеро парней из Петропавловска-Камчатского.

– Тут всем отказ лупят, – перебивали друг дружку киевляне. – Тебе тоже влупят. Увидишь!

– А че дальше тогда?

- До отказа года два ждать. Получим – в Голландию рванем. Там тоже азиюль.
- А потом?
- Потом во Францию. Азиюль везде есть.

Парни из Петропавловска разговаривали меньше. Суровая камчатская действительность сподвигла их на отчаянный поступок. Начитавшись в перестроечных газетах статей о том, что железный занавес открыт, они сделали мудрый вывод: границы больше нет! Выпив самогонки и закусив малосольным огурчиком, начали движение в сторону западных окраин нашей необъятной державы. На нескольких дальнебойных видах транспорта им удалось достигнуть неглубокой реки, отделяющей Союз от Польши. Вновь выпив, закусив, скинув одежду и перекрепившись, они гурьбой вплавь начали переправу. Находившийся рядом пограничный патруль исполнил долг перед родиной, открыв ураганный пулеметный огонь по мгновенно протрезвевшим камчадалам. Парни вбегали в чужестранный лес на глазах у ошарашенных поляков, пригибаясь под пулями и проклиная газету, перестройку, гласность и кроя матершиной друг друга.

Меланхоличная колония соотечественников существовала обособленно от нестихающей бури в унтерсбергском крысятнике. Баба-Петя, украинцы и алкаши-камчадалы заслушивались стихами Юрия Васильевича. Стоя у тумбочки и держа черновик в руках, он декламировал голосом кардинала. Его строки о воскресных благовестах напоминали, что Крестный путь не окончен, о гибели врагов, пронзенных шпагой, и много еще чего такого интересного, что заставляло затихнуть. Лишь всхлипывание прослезившейся Бабы-Пети и далекие гортанные звуки чернокожих пастухов за дверью нарушали святую тишину.

К счастью, проживание у Доры и Штефана избавляло меня от ночлега по соседству с обаятельным обществом пожирателей фиников и мамалыги.

Поздней ночью, греясь на уютной кухне, я учил немецкий. Будущее непосредственно связано со знанием языка в новой стране. Каждые вызубренные слово, фраза, речевой оборот придают уверенности, а в итоге из спины вырастают крылья. Иммигранты в Германии, однажды, если услышите от незнакомого немца что-то наподобие «Вы там, в Австрии... все немного больны на голову» – тогда хватит. Захлопнув учебник и улыбнувшись, ощутите полноценность чайки над морскими волнами!

10. Розенхайм

1

В пятницу, выспавшись, я деловито шагнул на мюнхенский вокзал, освобожденный от необходимости убедительного повествования душещипательной истории чужим людям в надежде на ночлег. Проверив бумажку с распределением, продавец билетов протянул проездные документы в Розенхайм.

Поезд покинул вокзал, предоставляя мне возможность рассматривать холмистый пейзаж, прижавшись носом к стеклу. До Розенхайма сорок минут езды. Мелькали отштукатуренные домики с коричневыми крышами, тянулись поля, а иногда появлялась церковь с куполом, как у русских православных церквей – точно такая же луковица, но нанизанная на стройную башню. Холмы росли, снега стало больше, и тогда возникли эти необыкновенные горы. Вначале как светлые тени, сливающиеся с небесным туманом на горизонте, а потом все отчетливее и ближе. Это стая лебедей, застывших в танце и превратившихся в лед. Их накрыли белоснежным одеялом зимы, чтобы согреть, и весной они, вскинув шеи, вновь поплывут к радуге по кристально чистой воде. А в самом центре гордо возвышается Вендельштайн – молчаливый защитник каменно-еловой вселенной. Он охраняет чудесный уголок Германии, может быть, ее самую живописную часть. Нет, я не набожен. Но, рассматривая Альпы в первый раз, я точно знал, что сила, создавшая эту величественную красоту, божественна.

Спустившись по ступенькам от стекляшки розенхаймского вокзала, попадаешь на людную улицу с кучей магазинчиков и кафешек. Организация, куда мне нужно, называется Ландратсамт – это подобие исполкома. Вокруг все такое веселенькое, живенькое, бодрящее. Поэтому с поисками я не спешил, а глазел на витрины. В Розенхайме проживает около шестидесяти тысяч человек, но несколько прилегающих деревень и городков превращают его в настоящую провинциальную метрополию, увеличивая количество жителей почти в два раза. Да, чуть не забыл, в Розенхайме родился небезызвестный Герман Геринг. Однако тухлое дыхание фашистского преступника никак не влияет на местных обитателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.